

R 152.445
3096

91 (47.9) 04

43. Б. 949 Ч. 1838 г.

Библиограф
И. Саркисов
Сергей
Москва
1918 г.

ПУТЕШЕСТВИЕ

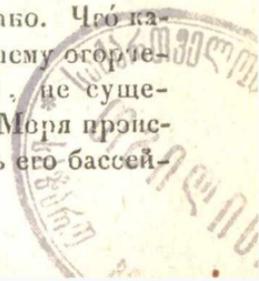
ПРОФЕССОРА ЭЙХВАЛЬДА

КЪ КАСПІЙСКОМУ МОРЮ И ПО КАВКАЗСКОМУ КРАЮ.

= C

R 152.445 [2417]
152.445
09

Каспійское Море возбуждастъ нынѣ живой интересъ въ ученоемъ свѣтѣ : съ нимъ связаны два важные вопроса физики и геодезій; первая ожидаетъ отъ него отвѣта — до какой степени можно полагаться на измѣренія высотъ съ помощію барометровъ ; вторая надѣется наконецъ узнать, что должно думать о знаменитой огромной впадинѣ въ поверхности земнаго шара, впадинѣ, въ которую все мы втрили, со времени перваго путешествія профессора Паррота къ Каспійскому Морю. Ученая экспедиція, отправленная въ 1836 году Императорскою Академіей Наукъ, окончила уже свои дѣйствія : двойная нивелировка, тригонометрическая и барометрическая, произведена, и должна показать намъ не только относительную высоту поверхностей Чернаго Моря и Каспія, но и пользу или бесполезность барометровъ для измѣренія подобныхъ высотъ на значительныхъ разстояніяхъ. Изъ предварительнаго отчета Г-на Струве уже видно, что тригонометрическая нивелировка представила нашимъ молодымъ астрономамъ *сто футовъ* разности между высотами двухъ морей ; но еще не извѣстно, въ какой степени этотъ результатъ согласенъ съ наблюденіями барометрическими, которыя производились въ то же самое время и должны быть подвергнуты вычисленію по возвращеніи наблюдателей въ Петербургъ. Разные намѣтки заставляютъ думать, что дѣло барометровъ почти проиграно. Что касается до огромной впадины, то она, къ крайнему огорченію множества прекрасныхъ теорій, кажется, не существуетъ, и пониженіе поверхности Каспійскаго Моря происходитъ просто отъ убыли воды въ собственномъ его бассей-

(127-912) ... (100 x 119) 15...

ны и отъ обнаженія непосредственныхъ его береговъ. Все это будетъ вскорѣ приведено въ полную ясность, и надобно надѣяться, что экспедиція принесетъ также и другаго рода плоды наукамъ, которыя ожидаютъ еще отъ путешественниковъ новыхъ наблюдений надъ тамшнимъ краемъ почти во всѣхъ отношеніяхъ. Любопытство, возбужденное официальнымъ измѣреніемъ высотъ двухъ морей, естественно ведетъ теперь каждаго къ обзору и перечету свѣдѣній нашихъ о занимательныхъ земляхъ, заключенныхъ между ихъ берегами; потому что, кромѣ высоты водъ морскихъ, многое еще остается узнать о природѣ и состояніи этой великолѣпной страны. Въ последнее время мы имѣли случай разсматривать здѣсь два чрезвычайно важныя творенія, которыя пролили яркій свѣтъ на политическое состояніе и статистику Эвксинско-Каспійскаго перешейка: это были «Исторія военныхъ дѣйствій въ Азіатской Турціи» и «Обозрѣніе россійскихъ владѣній за Кавказомъ». Но если Кавказъ и его долины могутъ теперь почестъся довольно хорошо изслѣдованными относительно своихъ средствъ и настоящаго положенія, естествениспытатель долго еще будетъ собирать тамъ новые и богатые факты для своей науки. Доказательствомъ этого можетъ служить превосходное твореніе Г. Эйхвальда, которое, по мнѣнію нашему, должно быть поставлено рядомъ съ «Обозрѣніемъ россійскихъ владѣній за Кавказомъ», когда дѣло идетъ о познаніи ихъ со всѣхъ сторонъ. Сколько это «Обозрѣніе» сдѣлало для статистики, этнографіи и топографіи кавказскаго перешейка, столько же книга ученаго вилнскаго профессора оказываетъ заслугъ по части естественной исторіи и физическаго образованія края.

Въ 1823 году, когда профессоръ Эйхвальдъ принялъ кафедру зоологіи при Казанскомъ Университетѣ, ему тогда же обѣщано было, что на слѣдующій годъ онъ будетъ отправленъ отъ университета въ естествениспытательное путешествіе къ Каспійскому Морю и въ Кавказскій Край.

Это море, которое, со времени путешествій петербургскихъ академиковъ, не было изслѣдуемо, подавало ему надежду на новую, богатую жатву. Палась, въ своихъ странствованіяхъ по Россіи, посѣтить только стѣверный берегъ Каспія, устья Волги и Инка, и нѣкоторые близлежащіе острова;

Гюльденштетъ, посланный болѣе для изслѣдованія Кавказа, проникъ только до впаденія Терека; Гмелинъ и отличный товарищъ его Габлицъ, который объѣзжалъ это море вторично съ графомъ Войновичемъ, обозрѣлъ всѣ берега его; но всѣ они сообщили такъ немного свѣдѣній по части естественной исторіи, что натуралисты не могли не желать, чтобы это обширное и замѣчательное средиземное море было вновь осмотрѣно съ должнымъ вниманіемъ. Г. Эйхвальдъ принялъ это ученое посольство на себя, и плоды тщательныхъ его изысканій заключаются въ обширномъ сочиненіи, которое еще не кончено, но уже пользуется въ Германіи высокою славою, между-тѣмъ какъ этотъ прекрасный трудъ знаменитаго русскаго натуралиста до-сихъ-поръ не извѣстенъ его соотечественникамъ.

«Путешествіе къ Каспійскому Морю и по Кавказскому Краю», Г. Эйхвальда*, печатается въ Германіи и на нѣмецкомъ языкѣ. Оно раздѣлено на двѣ части, историческую и естествоиспытательную. Къ первому разряду принадлежать два тома, которые вышли въ Стутгартѣ отъ 1831 года по 1835. Второй будетъ, кажется, состоять также изъ двухъ томовъ, которыхъ начало явилось только въ прошломъ году. Мы отнюдь не думаемъ дѣлать упрека автору за то, что онъ не пишетъ по-русски своего ученаго путешествія по одной изъ русскихъ областей: подобныя творенія, для самой пользы науки, всегда должны быть сочиняемы на языкѣ, доступномъ вообще всему ученому свѣту; иначе они потеряны для тѣхъ, которые прежде всякой публички имѣютъ право ихъ читать и оцѣнивать.

При всемъ томъ, намъ кажется, что по-крайней-мѣрѣ историческая часть путешествія Г. Эйхвальда заслуживала быть переведенною на отечественный языкъ, если не самимъ авторомъ, — это, конечно, отвлекло бы его отъ прекрасныхъ изслѣдованій, которыми обогащаетъ онъ сравнительную анатомію и естественную исторію незримаго животнаго міра, — то подъ его надзоромъ. Когда ученый авторъ дотого насъ забываетъ, мы должны сами о себѣ поду-

* Reise auf dem Kaspischen Meere und in den Kaukasus. Stuttgart und Tübingen, 1831 — 1837.

мать и познакомиться съ его отличною книгою мимо сл-чинителя.

Въ февраль 1825 утвержденъ планъ новаго путешествія, и какъ въ то же время дано было позволеніе вооружить въ Астрахани корветъ, то профессоръ Эйхвальдъ отправился изъ Казани уже въ мартъ мѣсяцъ, безъ соудниковъ, которые по недостатку времени и отдаленности мѣстъ пребыванія не могли послѣдовать за нимъ такъ скоро.

Однако жъ авторъ потхалъ не одинъ. Молодая его супруга и братъ ея, дѣти бывшаго гёттингенскаго профессора Финке, непременно хотѣли раздѣлять съ нимъ труды и опасности любопытнаго путешествія. Ни азіятская холера, которая тогда только-что перестала свирѣпствовать въ Астрахани, ни длинный морской перѣздъ, не могли остановить новобрачной. Для ученаго профессора готово было самое большое изъ судовъ каспійской флотиліи, шестнадцати-пушечный корветъ, со ста человѣками матросовъ, которые всегда могли стать подъ ружье. Начальство вѣрено было лейтенанту Ладыженскому, потому что онъ уже неоднократно и всегда успѣшно плавалъ по Каспійскому Морю. Кромѣ двухъ младшихъ офицеровъ былъ на корабль штурманъ Дядинъ, молодой человѣкъ отличныхъ способностей, котораго неутомимость и бдительность спасла экипажъ отъ многихъ бѣдствій.

Черезъ Волгу, которая у Астрахани около версты шириною, переправляются на большой лодкѣ подъ парусами или съ помощью четырехъ гребцовъ, обыкновенно изъ Калмыковъ или Калмычекъ. Видъ на эту оживленную рѣку и на обширный городъ, очень хорошъ. Соборъ издали возвышается надъ многочисленными, но небольшими, церквами, которыя образуютъ вокругъ всего прекрасныя группы. Въ это время, между множествомъ лодокъ, пестрившихъ Волгу, выставялось нѣсколько казенныхъ транспортовъ, а за ними видѣлся вдали огромный трехмачтовый корветъ, Геркулесъ, приготовленный для Г. Эйхвальда. Только за три недѣли рѣка очистилась отъ льду, по которому, до самаго вскрытія, ѣздили еще на санкахъ: это довольно примѣчательно; особенно если вспомнимъ, что Астрахань лежитъ подъ 46° 20' широты, то есть, почти подъ широкою Бордо, и притомъ на такой по-

верхности, которая ниже уровня океана. Въ январь и февраль тамъ бываетъ весьма хорошій зимній путь. Зима 1824 года настала поздно, но была продолжительна и довольно холодна. Въ Светлое Воскресенье случилась въ Астрахани сильная стужа, сильная буря съ дождемъ, и страшная грязь на улицахъ, но на другой день было уже такъ тепло, что все высохло, и вскорѣ потомъ не знали куда дѣваться отъ пыли.

Внутренній видъ города занимателемъ для ново-пріѣзжаго своимъ пестрымъ, разнообразнымъ народонаселеніемъ. Кромѣ главныхъ жителей, Русскихъ, здѣсь живутъ Татары, Армяне и Персіане, но которые совершенно отуземились. Бухарцы, Хивинцы, Киргизы, Туркменцы пріѣзжаютъ только на время торгу. Калмыки киняты болѣе за городомъ, въ многочисленныхъ кибиткахъ. Караванная торговля довольно сильна, и часто по улицамъ тянутся цѣпи вьючныхъ верблюдовъ, совершенно какъ въ азіатскомъ городѣ. Даже Индійцы ведутъ здѣсь обширныя дѣла, которыя за нѣсколько лѣтъ были, говсрять, еще значительнѣе. Изъ Еуропейцевъ встрѣчаются болѣею частью Французы, Нѣмцы и Великобританцы, особенно шотландскіе миссіонеры, которые живутъ въ большомъ каменномъ зданіи, гдѣ у нихъ своя прекрасная типографія, преимущественно для восточныхъ шрифтовъ. Нѣтъ также недостатка и въ жидахъ, только имъ здѣсь плохое житье: Армяне перещеголяли ихъ въ торговлѣ и въ хитрости, и народу израильскому не остается большаго поприща для развитія своихъ способностей. Впрочемъ, два эти народа, хоть и не дружны, чрезвычайно сходны по характеру.

Здѣшніе Персіане, по большей части, изъ Мазендерана и Гиляни: они праздновали въ то время свой постъ луннаго мѣсяца рамазана, который соотвѣтствовалъ тогда нашему апрѣлю. Цѣлый день они, какъ извѣстно, ничего не ѣдятъ и не пьютъ до самаго захода солнца, и, лѣтомъ, когда дни долги и бываютъ сильныя жары, воздержаніе отъ питья мучительно; между-тѣмъ многіе соблюдаютъ постъ чрезвычайно строго. Во время этихъ постовъ учреждаютъ они гимнастическія упражненія, какъ Татары въ Казани во время Сабана, съ тою разницей, что Татары совершаютъ ихъ подъ открытымъ небомъ, а Персіане избираютъ для себя

маленькое мѣсто въ гостиномъ дворѣ. Тамъ находится въ тѣс-
 ную горенку. На коврахъ сидѣло множество Персіянъ, опя-
 раясь на колѣни; воздухъ былъ до того испорченъ, что по-
 сѣтители едва могли дышать; жара несносная, а тутъ еще
 стояла жаровня для полу-нагихъ бойцевъ, которые всегда
 должны содержать себя въ извѣстной температурѣ. Въ се-
 рединѣ комнаты полъ опущенъ и образуетъ четырехугольное
 поприще, глубиною въ ростъ, и такого пространства, что
 человѣкъ двѣнадцать могли въ немъ свободно бороться и
 двигаться. Во всѣ народныя игры входитъ музыка, и здѣсь
 было не безъ нея: два Персіянна били въ пару турецкихъ
 бубенчиковъ, то тихо, то сильно, то медленно, то быстро,
 смотря по движеніямъ борцевъ. Зрители рукоплескали въ
 тактъ, отчего музыка становилась еще громче. Сперва вы-
 шло двое уродавъ, потомъ еще двое, въ однихъ шараварахъ,
 очень короткихъ, и съ бритыми головами. Длиныя черныя
 бороды и ключки черныхъ волосъ на обнаженныхъ маков-
 кахъ странно рисовались при ихъ различныхъ тѣлодвиже-
 ніяхъ. Одни бѣжали сюда, другіе туда, били въ ладони,
 отбрасывали руки назадъ, потомъ вытягивали впередъ, дѣ-
 лая притомъ разные прыжки, и всегда увертываясь другъ
 отъ друга. Во всемъ этомъ имѣли они целью утомиться и
 вспотѣть, — вотъ главное: по ихъ мнѣнію, правозвѣрній из-
 бавляется такимъ образомъ отъ болѣзней, которыми сграж-
 деть. Наконецъ выступило около десяти человѣкъ, которые
 стали дѣлать болѣе сложныя движенія, въ родѣ плясокъ ди-
 кихъ племенъ южной Америки. Они размахивали руками
 и бѣгали очень скоро взадъ и впередъ, но всё въ извѣстномъ
 порядкѣ, въ тактъ, и никогда не сталкиваясь другъ съ дру-
 гомъ. Обыкновенно осьмеро окружаютъ двоихъ, которые,
 находясь всерединѣ, подвигаются одинъ къ другому, тогда
 какъ прочіе то идутъ къ нимъ, то въ томъ же порядкѣ уда-
 ляются, то бросаются въ растяжку наземъ, то опять бы-
 стро вскакиваютъ. Но вотъ пустился плясать одинъ, кото-
 рый былъ, кажется, ихъ хороводцемъ: онъ плясалъ ужасно
 долго, такъ, что вашъ авторъ усталъ на него смотреть, но
 Персіянна этотъ моціонъ ни сколько не утомлялъ, хотя ему
 было лѣтъ около сорока. Тутъ всѣ вооружились дубинами,

каждая болѣе пятнадцати фунтовъ вѣсомъ, изъ тяжелаго, весьма крѣпкаго, персидскаго дерева, фута въ два слишкомъ длины и до полу-фута толщины къ верхушкѣ. У каждаго было по двѣ дубинны, и онъ дѣлалъ ими странныя движенія, то подымалъ ихъ высоко, то откидывалъ назадъ и ударялъ себя по плечамъ. Двое всерединѣ исполняли самыя трудныя штуки и бѣгали взадъ и впередъ такъ искусно, что никогда не задѣвали боковыхъ паръ, которыя то подавались, то пятились, въ прежнему порядкѣ. Когда они очень устали, каждый взялъ по простынѣ и, закутавшись, сталъ въ уголь чтобы осушить потъ и отдохнуть.

Тогда начались упражненія другаго рода. Персіане стали бороться, попарно. Сперва ободрялъ ихъ старый хороводчикъ: онъ читалъ имъ отрывки поэмы Фирдоуси о мужественныхъ борцахъ; потомъ оба пали ницъ и молили Бога о побѣдѣ. После того они сѣлись и коснулись другъ друга плечами въ знакъ пріязни. Тутъ они схватились. Нѣкоторые боролись очень долго, пока одному удалось повалить другаго: хотя который-нибудь и падалъ или нарочно опускался на землю, однако жъ всегда передомъ, и такъ крѣпко держался на рукахъ, что противникъ никакъ не могъ его оторвать и положить на спину; а только это и было признакомъ побѣды и окончаніемъ борьбы. Но между многими бой происходилъ съ упорствомъ, и старшина разводилъ ихъ, когда они слишкомъ утомлялись.

Персіане привозятъ сюда по большою части туземные товары, и по продажѣ ихъ возвращаются домой. Лавокъ чрезвычайно много, потому что каждый Персіанинъ или Армянинъ, у котораго на полтора ста рублей товару открываетъ лавку, то есть, ставитъ деревянную будочку съ досчатымъ возвышеніемъ на полу, гдѣ онъ сидитъ поджавши ноги и торгуетъ. Кругомъ, въ деревянныхъ переплетахъ, разложены товары, преимущественно шелковыя и бумажныя персидскія ткани, сырой хлопокъ, турецкій табакъ, сушеные плоды, и такъ далѣе. Армянскія лавки богаче и обширнѣе; въ нихъ много европейскихъ товаровъ изъ осквы, такъ, что онѣ вообще похожи на русскіе магазины.

Гостивый дворъ, большое каменное зданіе, принадлежитъ, говорятъ, частнымъ людямъ. Многочисленныя лавки его не

велики и заняты по большой части русскими купцами: число этих лавокъ простирается до нѣсколькихъ тысячъ.

Теперь, подле прекраснаго Собора выстроенъ новый, большой, гостинный дворъ на счетъ казны. Это каменное зданіе просторно, и хорошо освѣщено. Длинная колоннада, къ которой ведутъ нѣсколько ступеней, придаетъ ему изящный видъ: Здѣсь торгуютъ Русскіе и Армяне, Татары и Бухарцы, но тогда все это только начиналось.

Любопытство вскорѣ привлекло автора къ идолослуженію Индѣйцевъ. Они совершаютъ его въ маленькоѣ комнатѣ большаго индѣйскаго дома, близъ гостинаго двора. Оно начинается по захожденіи солнца, когда жрецъ приготовить странное очистительное средство, — священную воду изъ коровьей мочи. Индѣйцы охотно показываютъ свое идолослуженіе иностранцамъ, и сами ввели ученаго профессора въ свой храмъ; напротивъ, Калмыки не любятъ подобныхъ посьщеній.

Волга каждый годъ наноситъ болѣе песку и замедляетъ астраханскую гавань, особенно противъ адмиралтейства. Прежде была она гораздо шире, и весной вода достигала адмиралтейскихъ оконъ; но теперь каналъ, куда входятъ корабли, почти высохъ, или по-крайней-мѣрѣ обмелѣлъ чрезвычайно. Между каналами и самой Волгою, на чистомъ пространствѣ, которое служить верфью, выстроили небольшую деревню и насадили деревья. Здѣсь некогда было русло, и все это мѣсто понималось водой. Не только у Астрахани, но и во всемъ своемъ теченіи Волга годъ отъ году становится мельче. Быстрота ея водъ наноситъ песокъ холмами, которые возникаютъ въ видѣ острововъ. Въ этотъ годъ рѣка особенно обмелѣла. У Казани и подлѣ Нижнимъ образовалось столько песчаныхъ отмелей, что даже мелкія суда, двухмачтовыя астраханскія лодки, проходили съ затрудненіемъ. Пароходъ, который возитъ товаръ на Нижегородскую ярмарку, въ этотъ годъ не могъ дойти до мѣста и выгружался на пути. Безпрерывное пониженіе уровня водъ въ Каспійскомъ Морѣ, подтверждаемое жителями Киргизской Степи, Кавказскими туземцами, и даже молодыми астрономами послѣдней экспедиціи, если только оно справедливо, должно состоять въ связи съ этимъ страннымъ феноменомъ. Неужели нашей великолѣпной Вол-

гъ, главной артеріи Россіи, суждено когда-нибудь высохнуть? Неужели должна она умножить обнаженнымъ русломъ нѣмь число тѣхъ сухихъ и печальныхъ овраговъ, которые окружаютъ Черное и Каспійское Моря, и въ которыхъ нѣкогда текли веселыя рѣчки?.....

Весною, во время вскрытія, особенно при постоянномъ юго-восточномъ вѣтрѣ, городу обыкновенно угрожаетъ наводненіе. Онъ лежитъ такъ низко, что разлитіе Волги ежегодно вредитъ ему болѣе или менѣе. Часто плотины не могутъ удержать воды; а если притомъ настанетъ юго-восточный вѣтеръ, который не только запираетъ рѣку, но еще гонитъ въ нее воду съ морской стороны, то сильное наводненіе почти неизбѣжно. Въ маѣ 1825, дулъ свѣжій юго-восточный вѣтеръ; Волга выступила изъ береговъ и проникла уже въ низменные улицы; не перемѣнись вѣтеръ еще нѣсколько часовъ, весь городъ былъ бы подъ водою, какъ и дѣйствительно случилось въ октябрѣ 1790, когда наводненіе было такъ сильно, что почти весь городъ и окрестная степь на сто двадцать верстъ въ окружности были сняты.

Астрахань не всегда такъ далеко отстояла отъ Каспійскаго Моря. Теперь она отъ него въ семидесяти верстахъ, или десяти нѣмецкихъ миляхъ; по Олеарію, въ 1636 году, разстояніе это было только въ шесть миль. Здѣсь также мы имѣемъ новое доказательство, что Каспійское Море быстро понижается.

Седьмого мая, въ одиннадцать часовъ вечера, авторъ отправился изъ Астрахани на катеръ, чтобы догнать корветъ, который снялся съ якоря еще въ полдень. Величина судна препятствовала его свободному плаванію внизъ по Волгѣ, и на многихъ отмеляхъ должно было ждать прибыліи воды. Съ полнымъ грузомъ, въ четырнадцать тысячъ пудовъ кромѣ шестнадцати пушекъ, Геркулесъ сидѣлъ въ водѣ на десять футовъ, и слѣдственно не было ни какой возможности пройти мелями; поэтому большая часть груза была послана впередъ на особомъ галіотѣ, который сопровождалъ путешественниковъ въ видѣ транспорта до самаго устья Волги. Запасную воду для экипажа можно было взять не прежде какъ у Четырехъ Бугоръ, и при всемъ томъ, въ тихую погоду, корветъ несло теченіемъ очень медленно. Его по большой

части бугсировали два барказа, или матросы тащили бечевой. Таким образом путешественники дѣлали едва по три версты въ сутки, и только на третій день достигли до Бертыльскаго Карантина, передъ которымъ Волга раздѣляется на три рукава, на Старую Волгу и Чилиму, теперь не судоходныя, и на Бахтемирскій Рукавъ, который глубже и по которому спускался корветъ. Отсюда Волга посылаетъ еще до шестидесяти рукавовъ на сѣверъ отъ Астрахани. Они съ каждымъ годомъ становятся многочисленнѣе и образуютъ бездну острововъ, по большой части песчаныхъ, необитаемыхъ, едва покрытыхъ скудною травою, и очень рѣдко лѣсомъ.

Только 18 мая Геркулесъ достигъ до знаменитой и опасной Ракуши, песчаной банки, простирающейся на шесть сотъ сажень въ длину. Воды на ней рѣдко болѣе четырехъ или шести футовъ, а для Геркулеса, съ двумя тысячами пудовъ грузу, требовалось не менѣе восьми. Чтобы перейти черезъ эту мель, надобно ждать, пока сильный юго-восточный вѣтеръ не остановитъ теченія Волги и Урала и вода не подымется; и тогда, даже при противномъ вѣтрѣ, матросы перетягиваютъ большія суда. Но юго-восточнаго вѣтру можно иногда прождать нѣсколько мѣсяцевъ въ бездѣйствіи.

Пока корветъ стоялъ на Ракушѣ, Г. Эйхвальдъ посѣтилъ окрестныя Бугры, или острова, и нашелъ тамъ нѣсколько замѣчательныхъ животныхъ и растений.

Наконецъ, недели черезъ три, 14 іюня, подулъ благопріятный юго-восточный вѣтеръ. Корветъ перебугсировалъ черезъ Ракушу, и у Четырехъ Бугоръ запаслись прѣсной водою, которая только далѣе къ югу получаетъ морской, горько-соляной вкусъ.

Гумбольдтъ спускался по Волгѣ послѣ Г. Эйхвальда. Онъ взялъ у Четырехъ Бугоръ нѣсколько бутылокъ воды и далъ разложить ее профессору Розе въ Берлинѣ. Г. Розе нашелъ, разумѣется, что она прѣсна и почти одного вкуса съ Волжской. Изъ этого Гумбольдтъ хотѣлъ заключить, что вода въ Каспійскомъ Морѣ вообще прѣсна, и приводилъ въ подтвержденіе слова Страбона, который, следуя Поликету, называетъ это море «болотомъ», потому что въ немъ будто бы есть змѣи и вода прѣсна. При устьѣ большихъ рѣкъ, въ ней дѣйствительно нѣтъ ни малѣйшаго отзыва соли. Но это об-

стоятельство, какъ и существованіе водяныхъ змѣй, которыя водятся даже въ океанѣ, отнюдь не даютъ повода къ заключенію о свойствахъ воды въ серединѣ моря. Горько-соляной вкусъ ея у всѣхъ другихъ береговъ, напримѣръ близъ Дербенда, доказываетъ уже неосновательность этого предположенія, и оно еще болѣе опровергается морскими травами, которыя открылъ авторъ на Дербендскомъ берегу и въ Балханскомъ Заливѣ, и которыя, при послѣднемъ проѣздѣ Г. Эйхвальда черезъ Берлинъ, привели въ сомнѣніе и самого Гумбольдта. Авторъ нашелъ близъ Дербенда, у самаго берега, двѣ очень явныя породы мховъ, *Chondria obtusa*, Ag. и *Polysiphonia fruticulosa*, Grev., которыя доселѣ замѣчены только въ соляной водѣ южныхъ европейскіхъ морей, и въ прѣсныхъ водахъ нигдѣ не водятся.

Вода Каспійскаго Моря, по разложенію дерптскаго профессора Гебеля, имѣетъ всѣ свойства воды степныхъ соляныхъ озеръ, но не воды Чернаго Моря или другихъ морей вообще. По его химическимъ изслѣдованіямъ выходитъ, что Каспій просто — солоноватое озеро, которое заимствуетъ свою соль, особенно горькую, только у окружающихъ степей, и онъ думаетъ, что воды Каспійскаго Моря первоначально были прѣсны. Но и это мнѣніе слишкомъ предположительно. Возможноли допустить, чтобъ степи доставляли всю горькую соль такому обширному морю, которое принадлежитъ къ величайшимъ средиземнымъ водохранилищамъ? Не ближе ли согласиться, — и самъ профессоръ Эйхвальдъ держался некогда этого мнѣнія, — что воды Каспійскаго Моря были прежде жѣтѣ горьки и солоны, и что онѣ сгустились по мѣрѣ своего уменьшенія. Къ этой мысли привели его раковины, которыя попадаются въ великомъ множествѣ на всѣхъ берегахъ, и которыхъ живые обитатели совершенно исчезли. Они вымерли въ старые годы, и оставили свои прочныя, известчатыя, раковины свидѣтелями прежней жизненности этихъ водъ и своего существованія. Очевидно, что морская вода была тогда способнѣе къ сохраненію жизни черепакожныхъ нежели теперь, когда, при сильнѣйшемъ испареніи морской воды и при пониженіи ея уровня, количество горькой соли относительно возрасло и постепенно уничтожило этихъ животныхъ. Каспій, по соляности, относится къ Чер-

ному какъ 1 къ 5, къ Атлантическому Океану какъ 1 къ 6, но и въ этомъ содержаніи преобладаетъ горькая соль и хлоро-кислый магній степныхъ сѣверныхъ береговъ моря. Уже Палласъ утверждалъ за достовѣрное, что воды его были нѣкогда гораздо выше, что онѣ доходили даже до Царицына. Баронъ Мейендорфъ собралъ показанія Киргизовъ, которые, на памяти своей, видѣли ихъ въ степи несравненно далѣе нынѣшней черты восточнаго берега. Въ послѣднемъ отчетѣ господина Струве находятся новыя подтвержденія этого факта, доставленныя членами экспедиціи. «Обозрѣніе россійскихъ владѣній за Кавказомъ» также содержитъ въ себѣ нѣсколько подобныхъ доказательствъ. Впрочемъ, и въ этой книгѣ, и у нашего автора, встрѣчаются и противныя наблюденія: вода пошла въ нѣкоторыхъ мѣстахъ прежнія взморья, затопила старинныя стѣны, города и деревни. Это заставляетъ быть весьма осторожнымъ въ предположеніяхъ; но вообще есть причины думать вмѣстѣ съ авторомъ, что площадь водъ Каспія занимала въ отдаленной древности несравненно обширнѣйшее пространство, а въ такомъ случаѣ легко быть могло, что, при удаленіи своемъ, море оставило за собой тѣ озера, которыя видимъ теперь въ степи, тѣмъ болѣе что и вода ихъ одинакова съ каспійскою въ химическомъ отношеніи.

Только 22 іюня поднялся легкій сѣверо-восточный вѣтеръ, который дозволилъ путешественникамъ поставить паруса и итти далѣе въ море. Мало-по-малу незначительная прежде глубина достигла десяти сажень; вода сдѣлалась солонѣе и приняла свойственный себѣ зеленоватый цвѣтъ.

Вѣтеръ вскорѣ отошелъ къ сѣверо-западу, и можно было направить путь къ Тюккарагану. Морское теченіе и устройство судна, которое тащило нѣмножко всторону, завели ихъ далѣе на югъ, и они должны были бросить якорь чтобы не слишкомъ уклониться отъ пристани. Весь этотъ восточный Тюккараганскій берегъ заселенъ Туркменцами, состоящими въ нѣкоторой зависимости отъ хивинскихъ хановъ. Хивинцы живутъ здѣсь только до тѣхъ поръ, пока не обмѣняють товару съ астраханскими Татарами или Русскими; потомъ они возвращаются домой. Гораздо болѣе здѣсь Киргизовъ, которые хотя и подъ русскимъ владычествомъ, однако при

всякомъ случаѣ грабятъ караваны, идущіе въ Бухару и Хиву. Та же участь ждетъ астраханскія купеческія *расшивы* на морѣ, гдѣ киргизскіе корсары грабятъ ихъ, какъ и русскихъ тюленелововъ на Святомъ Островѣ, которыхъ они ствоятъ плѣнными въ Хиву. Основанная недавно крѣпость Ново-Александровскъ, въ Мертвомъ-Култукѣ, вѣроятно прекратитъ вскорѣ все эти разбои и утвердитъ безопасность торгующихъ, миролюбивыхъ, племенъ восточнаго берега, если только невыгодное мѣстоположеніе, страшный жаръ и недостатокъ прѣсной воды, которую должно доставлять туда изъ Гурьева, не повредитъ гарнизону. Г. Эйхвальдъ полагаетъ, что, въ отношеніи къ торговлѣ съ Бухарой и Хивою, прекрасная Тюккараганская гавань заслуживаетъ особеннаго вниманія.

Двадцать втораго іюня мореплаватели вошли въ довольно обширную Тюккараганскую бухту, которая, при шести-саженной глубинѣ, почти со всѣхъ сторонъ защищена отъ вѣтровъ, потому что длинная коса замыкаетъ ее у самаго входа, удобнаго какъ-нельзя болѣе. Коса эта далеко проникаетъ въ море, и ею-то особенно пользуются астраханскія *расшивы* для выгрузки товаровъ: вся окрестность отсюда видна и можно благовременно брать мѣры противъ всякаго нападенія. Грунтъ — не слишкомъ твердый песокъ съ остатками раковинъ, и якорь держится въ немъ очень хорошо; прѣсной воды довольно, разстояніе отъ Астрахани не весьма значительно, и гористый берегъ, отрасль Усть-Юрта, весьма удобенъ къ заложенію крѣпости, которой гарнизонъ терпѣлъ бы здѣсь гораздо менѣе отъ жаровъ.

Черезъ нѣсколько дней по прибытіи корвета на рейдъ, собралось по окрестнымъ горамъ множество конныхъ Туркменцевъ и Киргизовъ. Авторъ вышелъ на берегъ съ вооруженнымъ конвоемъ у подошвы этихъ высотъ, близъ двухъ большихъ соляныхъ озеръ, между которыми къ югу лежало третье. Все они — на косяхъ, при соединеніи ея съ крутымъ берегомъ. Вода въ нихъ казалась прекраснаго розоваго цвѣту, но въ стаканѣ была совершенно прозрачна и чиста. Красноватость ея происходитъ отъ одной соляной травы, *salsola herbacea*, которой множество на днѣ озеръ и которая отражаетъ красные лучи свѣту.

Высоты поднимаются круто отъ берега или на нѣкоторомъ разстояніи, и идутъ вверхъ отлого. Онѣ состоятъ изъ известняка, который снизу почти не содержитъ въ себѣ окаменелостей и раковинъ, но вверху идутъ все двойныя раковины, которыя мѣстами исключительно составляютъ его массу. Известнякъ принадлежитъ къ третичнымъ образованіямъ и содержитъ въ себѣ породу молосковъ *cardium*, нѣсколько отличную отъ четырехъ породъ, которыя водятся въ этомъ морѣ. Но въ желтоватомъ раковистомъ известнякѣ гораздо болѣе окаменелостей: къ мелкимъ *cardia* присоединяются явные *mytili* и *donaces*. Эти *mytili* почти одинаковы съ живущимъ и теперь въ Каспіи *mytilus edulis*; но *donaces* не водятся болѣе въ Каспійскомъ Морѣ, а только въ Черномъ. Впрочемъ и здѣшній *donax trunculus* различенъ съ окаменелою породою восточнаго берега. Въ известнякѣ находятся и другія породы раковинъ, похожія на *venus*, но въ видѣ ядеръ, *musclei*, или отгисковъ. *Venus gallina* понынѣ живетъ въ Черномъ Морѣ; въ Каспійскомъ весьма рѣдко попадаются остатки раковинъ этой вымершей породы. Мѣстами число окаменѣлыхъ раковинъ въ известнякѣ чрезвычайно велико, но породы остаются все тѣ же, и, по наблюденіямъ Г. Эйхвальда, на берегу и на крутой возвышенности, поднимающейся на восемьдесятъ сажень, всадъ господствуетъ известнякъ третичнаго образованія. На высотѣ грунтъ кажется совершенно плоскимъ, и стелется вдали равниною. По берегу лежатъ во множествѣ страшныя глыбы, дикими, безпорядочными купами, какъ-будто онѣ взорваны и перенесены сюда вулканическимъ изверженіемъ.

Въ этой экскурсіи путешественники повстрѣчали сперва только одного Туркменца верхомъ. Онъ приближался къ нимъ дружелюбно и повидимому съ тѣмъ, чтобъ «полякшатель» и потолковать, но пока Г. Эйхвальдъ занимался растеніями и животными, молодой мичманъ, который провожалъ его съ матросами, велѣлъ тремъ изъ нихъ гнаться за Туркменцемъ. Матросы испугали его выстрѣлами. Туркменецъ ускакалъ, и, остановившись на холмѣ, дѣлалъ знаки, чтобъ они приблизились. Вѣроятно Туркменцы, собравъ стада, стали здѣсь съ своимъ ауломъ, который еще наканунѣ ви-

дѣль былъ съ корвета на самомъ берегу. Матросы не отважились итти далѣе и сочин за лучшее воротиться.

На возвратномъ пути путешественники замѣтили еще двухъ Туркменцевъ на лошадяхъ и трехъ на верблюдахъ; все это убѣждало при одномъ приближеніи ученаго естествоиспытателя и непобѣдимаго мичмана. Наконецъ удалось Г. Эйхвальду остановить одного стараго Туркменца съ длинной, бѣлой бородою; но онъ передалъ его переводчику Татарину нѣсколько угрозъ, которыя опять-было заставили вспылчиваго мичмана прибѣгнуть къ пальбѣ. Съ трудомъ удержалъ его мирялюбивый профессоръ, но на этотъ разъ долженъ былъ отказать себѣ въ удовольствіи побесѣдовать съ этимъ недоверчивымъ народомъ, какъ ни хотѣлось ему побывать въ аулѣ.

При вторичномъ посѣщеніи берега, въ другомъ мѣстѣ, путешественники наткнулись на старую крѣпость, которой постройку должно, кажется, приписать Туркменцамъ: она слишкомъ маловажна и неправильна, и не могла быть воздвигнута Русскими.

Спустившись подъ гору, въ долину увидѣли они туркменское кладбище. Здѣсь Г. Эйхвальдъ попытался еще разъ склонить Туркменцевъ и Киргизовъ къ дружбѣ. Ихъ было человекъ пятнадцать на лошадяхъ. Киргизовъ легко узнать по бѣлой остроконечной шапкѣ съ широкими, выгнутыми, зеленого цвѣту полями. Сверхъ-того окрестная равнина была покрыта нѣсколькими сотнями человекъ верхомъ; нѣкоторые явились на верблюдахъ. Путешественникъ послалъ къ нимъ своего толмача. Старый, почтенный, Туркменецъ подѣхалъ къ нему на конѣ и вступилъ въ продолжительную бесѣду, которой результатомъ болѣе обѣщаніе доставить завтра барановъ и другихъ припасовъ и впустить ученаго профессора въ аулѣ. Но мичманъ, соскучился продолжительностью разговора и подошелъ къ толмачу. Въ ту минуту старый Туркменецъ, поворачивая лошадь, хотѣлъ ударить ее саблею. Мичманъ вообразилъ, что ударъка правленъ на него: чтобы предупредить его, онъ схватилъ пистолетъ и выстрѣлилъ по всаднику. Ксчастію онъ далъ промахъ. Старикъ тотчасъ ускакалъ; тревожно собрались вокругъ него другіе Туркменцы, но не отважились сдѣлать нападенія; иначе путе-

Ш. 4. 51
 159.445
 30

шественникамъ побывать бы въ Хивѣ. Впрочемъ, едва раздался выстрѣлъ, профессоръ Эйхвальдъ замѣтилъ несприятность своего положенія и тотчасъ отправилъ толмача къ старому Туркменцу чтобъ объяснить ему недоразумѣнiе. Старикъ былъ такъ добродушенъ, что повѣрилъ и скоро самъ воротился для извиненій.

Авторъ постѣилъ берегъ еще разъ, но не проникалъ далѣе каменнаго вала, потому что всегда слѣдовало за нимъ множество Туркменцевъ. Они рассказывали ему, что тамъ, гдѣ теперь бухта Караганъ, былъ прежде довольно значительный городъ, погибшій лѣтъ за шесть сотъ при наводненіи. Оттого, говорили они, произошла и бухта, гдѣ нынче до шести футовъ глубины; въ прежнее время тутъ была твердая земля до крайней оконечности косы, которая простирается далеко въ море. По словамъ ихъ, дней на двѣнадцать тѣды, къ Мангишлаку, стоялъ нѣкогда городъ Айкарлы; но и онъ исчезъ совершенно. Все указываетъ, если не на внезапное пониженіе этого берега, по-крайней-мѣрѣ на значительную торговлю, которая тутъ нѣкогда производилась. Птоломей означаетъ въ этомъ мѣстѣ городъ Аспаботу, котораго названіе, совершенно персидское, — *аспъ*, конь, и *абатъ* или *абатъ*, жилище, городъ, — могло бы и теперь еще значить «коноградъ» или «конный рынокъ». Продажа лошадей была вѣроятно главною статьею торговли и причиною этого названія.

Торговля въ Мангишакѣ прекратилась, съ-тѣхъ-поръ какъ прекрасный нѣкогда заливъ обмелѣлъ до того, что и плоскія расины въ него не входятъ. Въмѣсто его вскорѣ избрали лѣкарнымъ мѣстомъ заливъ Тюккараганъ: суда здѣсь во всякое время укрыты такъ хорошо, что корветъ въ самую сильную бурю подвергался весьма незначительной качкѣ. Отсюда сухимъ путемъ въ Хиву далѣе чѣмъ изъ Мангишакка, но дорога менѣе подвержена нападеніямъ Киргизовъ, которые живутъ болѣе къ сѣверу. Караванъ на верблюдахъ приходитъ туда въ двадцать восемь дней очень удобно.

Хивинцы, Туркменцы и астраханскіе Татары составляютъ почти одинъ народъ. Ихъ языкъ, вѣра, нравы и обычаи одинаковы. Выговоръ этихъ Туркменцевъ подходитъ болѣе къ нарѣчію казанскихъ Татаръ: это могло бы доказывать, что

они не настоящаго Туркменскаго племени, потому что въ такомъ случаѣ нарѣчіе ихъ приближалось бы къ оттоманскому. Въ самомъ дѣлѣ, по ихъ разсказамъ, они происходятъ отъ тѣхъ Татаръ, которые по уничтоженіи Русскими монгольскаго владычества въ Казани, подавались всѣ далѣе на югъ и наконецъ вѣдворились на этой части восточнаго берега Каспія. Образованіе лица у всѣхъ одно и то же. Напротивъ Киргизы гораздо болѣе похожи на Калмыковъ нежели на Туркменцевъ, съ которыми они въ вѣчной враждѣ.

Авторъ постигъ Святѣйшій Островъ для наблюденія нѣкоторыхъ животныхъ, замѣченныхъ Палласомъ, особенно *percis noctibesa* и *tabularia caspia*, но нашелъ только пустое, песчаное пространство, и на немъ множество песочныхъ клоповъ, *exodes caspius*, которые самымъ безстыднымъ образомъ забираются подъ платье путешественника и такъ глубоко впиваются въ кожу, что ихъ трудно вытаскать. На островѣ нѣтъ ни капли воды, годной для питья. И можно вообразить непріятность положенія нашихъ путешественниковъ, которые за противнымъ вѣтромъ не могли воротиться на корветъ и должны были провести всю ночь на этомъ клопоносномъ островѣ. Только тюленеловы посѣщаютъ его, и они дѣйствительно добываютъ здѣсь много тюленей. Неподалеку лежитъ Моллерова Банка, которая съ каждымъ годомъ увеличивается и всѣ болѣе выникаетъ изъ воды.

Отсюда авторъ направилъ путь къ Тарки, или, правильнѣе, *Тарху*. Приближаясь къ западному берегу, онъ замѣтилъ, что вода становится грязнѣе и пловатѣе, потому что дно моря состоитъ здѣсь почти все изъ мягкаго, сыраго илу. Даже вкусъ воды перемѣняется; она становится прѣсною отъ близости устья Сулака. Шестаго іюля съѣхалъ онъ на берегъ Тарки. Вездѣ являлось роскошное, но почти совсѣмъ европейское, прозябаніе, тогда какъ около Тюккарагана авторъ замѣтилъ совершенно различную, азіятскую, фізіономію растительнаго царства.

Городъ Тарки, древній Семендеръ, принадлежавшій Хазарамъ, при которыхъ одинъ изъ ихъ «золотыхъ бековъ» имѣлъ здѣсь пребываніе и велъ непрерывныя войны съ дербендскими Аравитянами, лежитъ очень живописно на склонѣ горы, разорванной множествомъ овраговъ. Оттого улицы здѣсь

весьма неправильны. Дома, по-восточному обычаю, ^{весьма} плоскими крышами, и построены изъ глины съ рубленой соломой. Кромѣ одного входа, въ нихъ по три или по четыре окна безъ стеколъ, съ деревянными рѣшетками. По бокамъ есть окна, которыми, какъ въ Баку и Дербендѣ, можно выходить на крыши сосѣднихъ, болѣе низкихъ, домовъ, такъ, что крыша одного сосѣда служить всегда балкономъ другому. Лучшее зданіе въ городѣ занималъ сынъ покойнаго Шамхала, владѣтеля Таркинскаго, генералъ-лейтенанта русской службѣ, который за нѣсколько лѣтъ притѣжалъ на старости лѣтъ своихъ полюбоваться на Петербургъ и умеръ на обратномъ пути въ Твери. На высшей точкѣ города построена генераломъ Ермоловымъ крѣпость Бурная. Къ ней должно взбираться по крутой горѣ, которую полгода обрабатывали взрывами чтобъ только сдѣлать проѣзжей. При началѣ этой дороги, пробитой въ известковыхъ скалахъ, находится прекраснѣйшая ключевая вода, единственная въ крѣпости, и потому защищенная шанцемъ. Здѣсь должно опасаться столько же нападенія Чеченцевъ какъ и Лезгиновъ шамхаловыхъ. Первоначальная селзи Россіи съ Шамхаломъ относятся къ 1559 году.

Авторъ постилъ теплыя стѣнныя воды, верстахъ въ десяти отъ Тарки. Его сопровождали шесть Казаковъ и нѣсколько почетныхъ Лезгиновъ, потому что надлежало проѣзжать горами, гдѣ нерѣдко случаются нападенія съ Лезгинской стороны. На дорогѣ замѣтилъ онъ только жидовскую деревню, которой обитатели разводятъ табакъ и живутъ очень бѣдно. Говорятъ они исключительно туземнымъ татарскимъ нарѣчіемъ. Стѣнная вода тепловата, и бьетъ изъ известковой скалы.

Всѣ горы въ окрестностяхъ Тарки принадлежатъ къ известчатому трегичному образованію и содержатъ въ себѣ много раковистыхъ окаменѣлостей, между которыми замѣтны *cardia*, *mutili*, *carbulae*, и тому подобныя моллюски, досель живущія въ морѣ; только трудно опредѣлить, тѣ ли самыя это породы. Вообще кажется, что онѣ нѣсколько отличны и составляютъ особые виды. Добыча растеніями была здѣсь богаче нежели животными.

Изъ Тарки путешественники отправились въ Дербендѣ.

Они бросили якорь, но по слабости грунта вскорѣ были сорваны восточнымъ вѣтромъ и подвергались опасности претерпѣть крушеніе у береговъ. Каждый годъ погибають здѣсь суда, потому что передъ Дербендомъ нѣтъ ни какого рейда и должно становиться на якорь въ открытомъ морѣ, которое доступно непогодамъ со всѣхъ сторонъ. Городъ очень красивъ издали. Съ обѣихъ сторонъ охватываетъ его длинная древняя стѣна. Онъ лежитъ на горномъ скатѣ, и кажется довольно обширнымъ. Высшую часть его занимаетъ устроенная Русскими крѣпость. По сторонамъ городской стѣны, особенно къ сѣверу, находится безчисленное множество надгробныхъ камней, которые своими надписями привлекали вниманіе любителей древности, но досель не нашли ни одного надежнаго объяснителя. Знаменитый оріенталистъ нашъ Френъ разобралъ и описалъ нѣсколько изъ нихъ по снимкамъ, привезеннымъ профессоромъ Эйхвальдомъ. Результатъ этихъ изслѣдованій авторъ помѣстилъ въ новомъ отдѣленіи своего труда, которое вышло подъ заглавіемъ — *Alte Geographie des Kaspischen Meeres und des Kaukasus*, Berlin, 1837. Особенно отличается здѣсь знаменитое кладбище *Кыркъ шагидлеръ*, или сокращенно *Кыркларъ*, то есть, «Сорока мучениковъ», которые были, по мѣстному преданію и по летописи Дербендъ-намѣ, доблестные арабскіе герои, павшіе тутъ въ кровавой битвѣ съ Хазарами. Надгробные ихъ камни суть простые лежащіе цилиндры, къ верху закругленные, а по бокамъ стесанные, часто до четырнадцати футовъ въ длину; другіе нѣсколькими футами короче; самыя маленькіе не меньше четырехъ футовъ. Они пусты внутри. Въ этихъ цилиндрахъ нѣтъ ни малѣйшаго слѣда костей, что явно показываетъ ихъ древность. Нѣкоторые лежатъ поверхъ земли, другіе вросли въ нее глубоко. Подлѣ цилиндрическихъ камней лежатъ другіе, по бѣльшей части четвероугольные, продолговатыя и плоскіе, которые гораздо новѣе, какъ видно даже изъ позднѣйшихъ письменъ. Искони считалось за особенное отличіе схоронить уважаемаго покойника между «Сорока мучениками», и оттого число камней на маломъ кладбищѣ чрезвычайно умножилось. У одной изъ стѣнъ кладбища, между надгробными камнями двухъ «Сороковыхъ», есть маленькій каменный домикъ или, скорѣе, не-

большой круглый нишь, высъченкый въ известнякъ, часто ходять на богомолье больные Персіане, скоблять известковую пыль съ цилиндрическихъ камней, и уносятъ ее съ собою какъ испытанный чудодѣйственный порошокъ противъ многихъ болѣзней. Совершивъ теплую молитву, они кладутъ нѣсколько монеть въ каменный нишь, а другіе, побѣдые, которые прежде стекались сюда во множествѣ, берутъ ихъ для собственнаго употребленія. Въ богомолкахъ и теперь еще нѣтъ недостатка: безплодные трутъ себѣ лобъ этимъ порошкомъ, не для того чтобъ стать умнѣе, а чтобъ забеременѣть; другія втираютъ его въ глаза, если у нихъ случилось воспаленіе; третьи чистятъ имъ зубы отъ зубной боли. И, разумѣется, всѣ излечиваются!

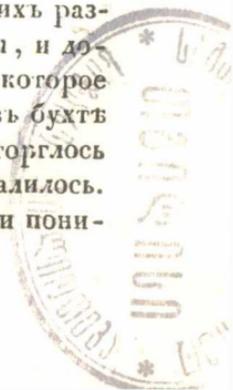
На дорогѣ отсюда къ Тарки лежитъ преогромный камень, а противъ него другой, вполонину менше. Персіане разсказываютъ объ нихъ такую исторію: Али, — да будетъ съ нимъ миръ! — набрелъ на этотъ камень, такъ, что не могъ далѣе идти; онъ разсѣкъ его мечемъ; одна половина упала на правую, а другая на лѣвую сторону дороги, и *газрѣти-виллѣтъ* изволялъ пройти безпрепятственно. Теперь ни одинъ православный шитъ не пройдетъ мимо этого камня чтобъ не бросить по камешку въ обѣ стороны и не произнести — «Аллахъ великъ! Одинъ Али настоящій преемникъ Магомета!»

До какой степени море здѣсь удалилось, видно между прочимъ изъ того, что городскяя стѣна, которая прежде шла довольно далеко въ водѣ и подъ водою, оканчивается теперь на берегу, такъ, что видно свободное пространство между ею и моремъ. По словамъ Масъуди, арабскаго географа и историка десятаго вѣка, стѣна эта, которой строителемъ называетъ снѣ Хосру Нуширвана, выдавалась на цѣлую милю (около двухъ верстѣ) въ море: преданіе говоритъ, что Нуширванъ продолжилъ ее и въ другую сторону черезъ кавказскія горы до Табессерана, пограничной дагистанской крѣпости. На каждахъ трехъ миляхъ, ближе или далѣе, смотри по удобству мѣста, Нуширванъ велѣлъ устроить желѣзные ворота и вездѣ размѣстилъ гарнизоны для защиты отъ соседнихъ горцевъ, но въ особенности отъ Хазарь. Оттого Аравитяне называютъ Дербендъ *Бабъ-эль-абуабъ*, то есть,

Воротами Воротъ, а Татары *Демиръ-капысы*, или Желѣзными Воротами. Во всякомъ случаѣ замѣчательно, что ни греческіе ни римскіе писатели не упоминаютъ ни о Кавказской Стѣнѣ ни о дербендскихъ желѣзныхъ воротахъ: это дѣлаетъ вѣроятнымъ, что стѣна и ворота дѣйствительно принадлежатъ познѣйшему времени и могли быть, какъ утверждаетъ и дербендская летопись, построены Кей-Кобадомъ и Нуширваномъ. Такъ же мало извѣстна древнимъ писателямъ узкій проходъ близъ Дербенда; и если встрѣчается у нихъ названіе Каспійскихъ Воротъ, *Portae Caspiae*, они разумѣютъ подъ нимъ совсѣмъ не Дербендскую, а скорѣе Даріельскую тѣснину, на югъ отъ Владикавказа: это Плиніевы *Portae Caucasiae*. Но чаще называли они Каспійскими Воротами Гирканскій Проходъ, на южной оконечности Каспія, въ нынѣшнемъ Мазендранѣ, близъ Эшрефа, проходъ, которымъ Александръ Великій вѣроятно шелъ въ Индію. Отъ сѣтшенія этихъ двухъ проходовъ ведетъ свое начало повѣрье Персіянъ, будто «Искендеръ», Александръ Великій, построилъ Дербендскую Стѣну, хотъ онъ никогда и не доходилъ до западныхъ береговъ Каспія.

Каменные породы горъ вокругъ Дербенда также третичнаго образованія, известчаты и наполнены остатками мелкихъ раковинъ. На пути отсюда къ Баку мореплаватели проходили мимо острова Жалаго, котораго близость возвѣстилъ имъ сильный нефтяной запахъ. Нѣкоторые матросы видѣли даже плывучую нефть на морѣ, — доказательство, какъ велики нефтяныя копи на этомъ берегу и даже на днѣ моря. Съ восточнымъ вѣтромъ прошли они на парусахъ въ Бакинскую гавань, мимо подземнаго каравансерая, который провалился здѣсь встарину. Около стѣны, лежащей ниже морскаго уровня, находится пронасть болѣе пятнадцати сажень глубиною. Говорятъ, это остатки прежней башни. Далѣе по берегу возвышаются четыре или пять такихъ развалинъ, выступающихъ на нѣсколько футовъ изъ воды, и доказываютъ несомнѣнно потопленіе берега моремъ, которое въ этой сторонѣ, какъ и на восточномъ берегу, въ бухтѣ Караганъ и около прежняго Айкарлы, столько же вторглось въ сушу, сколько въ другихъ мѣстахъ высохло и удалилось. Въ пользу теоріи о постепенномъ испареніи Каспія и пони-

женіи его уровня, конечно, привести можно много доказательствъ ; но тѣ , которые ихъ приводятъ , не должны также забывать фактовъ , которые , вмѣсто пониженія поверхности водъ , обнаруживаютъ напротивъ только непрерывное измѣненіе ихъ очертанія . Вообще предметъ этотъ требуетъ еще ближайшаго и безпристрастнаго изслѣдованія .

Однѣз Персіянцѣ въ Баку сказывалъ Г. Эйхвальду , что въ Бакинской бухтѣ , около того мѣста , гдѣ теперь видны потопленныя башни , былъ некогда обширный городъ Шабазъ , который погибъ , оттого что большая рѣка повернулась прямо на него и причинила страшное наводненіе . Поводомъ къ такому бѣдствію былъ , -- какъ бы вы думали ? -- гнѣвъ одного могущественнаго « мудреца » , *хекима* , врача , на своего собрата !

Какъ гавань , Баку заслуживаетъ особеннаго вниманія . Это лучший портъ на западномъ берегу моря . Якорь бросаютъ обыкновенно на глубинѣ двухъ или четырехъ сажень въ хорошей грунтъ , довольно твердый . иловато-песчаный , съ весьма малою примѣсью ракушки . Гавань , какъ въ Тюкараганѣ , со всѣхъ сторонъ защищена отъ бурь , -- съ сѣверо-востока Аншеренскою Косою и нѣсколькими островами , а съ юго-запада Бакинскими Ушами , такъ , что только съ юго-востока остается свободный входъ и отсюда бури могутъ быть опасны . Но для большихъ судовъ гавань очень невыгодна ; для якорныхъ стоянокъ нѣтъ надлежащей глубины , и грунтъ держитъ не слишкомъ крѣпко . Здѣсь было тогда множество персидскихъ большихъ лодокъ , *сандакъ* , обь одной мачтѣ , и дву-мачтовый купеческій корабль изъ Астрахани . Персидскія сандалы привозятъ по бѣльшей части плоды , шелковые и бумажные товары , изъ Гилыи , а вывозятъ нефть , соль , шафранъ и астраханскіе товары . Изъ Астрахани ежегодно приходитъ сюда нѣсколько шзоутовъ съ стеклянными , фарфоровыми , чугунными издѣліями , и торговля идетъ довольно живо . Базаръ устроенъ совершенно по-восточному ; онъ и больше и красивѣе дербендскаго . Тутъ найдете почти всѣ произведенія Персіи , прекраснѣйшія шелковыя ткани , ижнье плоды , и такъ далѣе ; увидите лавкч , гдѣ безпрестанно работаютъ портные , саножники , кузнецы , точильщики , и прочіе ремесленники ; но среди этой неутомимой дѣятельно-

сти замѣтите и бездну праздношатающихся, которые употребляют время разносомъ городскихъ вѣстей. Базаръ для нихъ — и кофейный домъ и сборное мѣсто, гдѣ правотѣрные слышать и видятъ все новое, гдѣ они встрѣтятъ всякаго, съ кѣмъ хотятъ поговорить. Продавцы, какъ въ Астрахани, сидятъ въ лавочкахъ, на подмосткахъ, поджавши ноги, и ожидаютъ покупателей. Базаръ состоитъ изъ деревянныхъ лавокъ, расположенныхъ сплошно въ два длинные ряда, и покрытъ тесомъ такъ, что ни дождь ни снѣгъ не проникаютъ во внутренность его. При всемъ томъ, въ Баку не доставаете припасовъ для сноснаго обѣда. Однообразіе мѣстныхъ кушаньевъ сначала приводитъ въ отчаяніе; но со-временемъ невольно къ нему привыкаете, потому что такое же разнообразіе преслѣдуетъ странствующій желудокъ наблюдателя вездѣ, и въ Персіи, и на всемъ Кавказе, за исключеніемъ развѣ Тифлиса, гдѣ нѣмецкіе поселенцы сдѣлали кое-что для кухоннаго усовершенствованія Каспійскаго Перешейка. Несмотря на этотъ *improvement*, нигдѣ не увидите здѣсь на рынкахъ зелени, капусты, даже картофелю. Этотъ драгоценный плодъ привозятъ сюда изъ Астрахани и продаютъ очень дорого, по фунтамъ. Молоко и сливки также рѣдки или весьма дурны, потому что нѣтъ пастбищъ для коровъ. Имъ даютъ дрянныя травы *salsolae*, *artemisiæ*, *turnefortia arguzia*, *zygorhyllum tabago*, даже колючій *alhagi camelorum*, который особенно любятъ ослы, несмотря на латинское названіе. При такомъ жалкомъ кормѣ, о маслѣ нечего и думать; его покупаютъ только соленое съ русскихъ кораблей изъ Астрахани. Воздухъ лѣтомъ удушливъ, по причинѣ сильныхъ жаровъ. Днемъ должно часто переходить изъ комнаты въ комнату, избѣгая солнца. Но дома Персіянъ по большей части безъ оконъ на улицу, и притомъ построены изъ раковистой извести и такъ воздушны, что вѣтеръ проходитъ со всѣхъ сторонъ: оттого жители рѣдко жалуются на зной, къ которому они впрочемъ привыкли. Пріѣзжій не такъ легко уживается со здѣшнимъ солнцемъ: онъ только ночью найдетъ себѣ некоторый отдыхъ въ *эскеръ*, высшемъ этажѣ дома, гдѣ комнаты расположены на всѣ четыре стороны и ночью всегда можно имѣть сквозной вѣтеръ. Впрочемъ въ Баку рѣдкій день не бываетъ вѣтру, и по бѣльшей части дуетъ

стверный, довольно сильный, безъ котораго житье здѣсь нестерпимо. Ему-то обязанъ городъ своимъ настоящимъ именемъ, *Бадъ-ху*, то есть, городъ «Вѣтреннаго нрава» или, если угодно, «Вѣтренный». Намъ кажется, что ученый профессоръ ошибается, называя его *Бадъ-ху*: эти слова ничего не значать; притомъ, они несомнѣнно и писались встарину *Бадъ-ху* или *Бадху*. Кромѣ сильныхъ бурь, въ лѣтніе мѣсяцы часто бываютъ здѣсь проливные дожди, такъ, что всѣ улицы превращаются въ потоки. Вода скопляется тогда на плоскихъ крышахъ, смазанныхъ нефтяною глиной, *кырзъ*, и послѣ выплескивается оттуда лопатами. Конецъ концовъ, Баку довольно опрятный городъ; но очень однообразенъ и выстроенъ безъ всякой симметріи. Въ сравненіи съ Тарки и Дербендомъ, онъ имѣетъ важныя преимущества; однако и здѣсь мостовыя такъ узки, что едва можно итти двоимъ въ рядъ; только по самымъ широкимъ улицамъ удобно проѣзжаютъ арбы съ своими колесами страшной величины. Въ числѣ зданій особенно замѣчательнъ прекрасный дворецъ шахскій, который, къ сожалѣнію, теперь въ совершенномъ упадкѣ. Опъ построенъ Аббасомъ Великимъ и находится въ верхней части города. Мечетей очень много, и онѣ, какъ въ Дербендѣ, по большей части весьма древни. Одну изъ достопримѣчательностей города составляетъ еще испанская Девичья Башня.

Въ Баку, какъ и въ Дербендѣ, есть русскій коммендантъ, который председательствуетъ въ Диванѣ. Съ нимъ присутствуютъ члены изъ Персіянъ и Армянъ. Мирза, или письмоводитель — Персіянинъ, потому что всѣ дѣла производятся на здѣшнемъ персидскомъ или, точнѣе, турецкомъ, нарѣчій. Сверхъ того при крѣпости состоятъ инженерный полковникъ и артиллерійскій маіоръ, пачальникъ гарнизона. Таможня Бакинская — самая большая въ Каспійскомъ Морѣ, за исключеніемъ астраханской.

Въ Баку есть особеннаго рода накожная болѣзнь, которая очень тягостна, но никогда не смертельна. Новопріѣзжіе все ею страждутъ. На всемъ тѣлѣ выступаетъ жгучая сыпь съ нарывами на рукахъ и на лицѣ, слѣдственно на частяхъ, открытыхъ воздуху. Такою же сыпью страдалъ профессоръ Эйхвальдъ на пути изъ Астрахани въ Тюккараганъ, и ему

кажется весьма вѣроятнымъ, что и здѣсь и тамъ она происходитъ отъ одной причины, — чрезмѣрныхъ жаровъ и суши въ воздухѣ. Въ Баку, говорятъ онъ, тоже страждутъ ею особенно въ знойные лѣтніе мѣсяцы тѣ изъ новопріѣзжихъ, которые еще не привыкли къ мѣстной температурѣ; только здѣсь сыпь эта гораздо сильнѣе. Сперва показываются мелкія красныя пятнышки съ пузырями, которые вскорѣ опадаютъ и засыхаютъ, между-тѣмъ какъ на другихъ мѣстахъ выходятъ другіе. Отъ расчесыванія они становятся крупнѣе и почти принимаютъ видъ оспы; при большомъ небреженіи зараждаются отъ нихъ даже злокачественные нарывы, которые трудно вылечить. Но жители причину этой странной болѣзни приписываютъ жалу мошекъ, или москитовъ. Въ самомъ дѣлѣ, и въ Баку и въ Дербендѣ водится странная порода мелкихъ мошекъ, которая кусаетъ очень зло; черное ихъ тѣло прикрыто бѣлоснѣжными крыльями, и они такъ жестоко нападаютъ на пріѣзжихъ, что ночью нѣтъ съ ними ни какого способа. То же самое происходитъ въ Александріи отъ египетскихъ комаровъ, самыхъ ужасныхъ комаровъ въ свѣтѣ, которые непривычному къ нимъ путешественнику вторгаются въ ротъ сотнями, какъ скоро онъ его разинетъ чтобы зѣвнуть или громко позвать служителя. Вечеромъ Бакинскія мошки тысячами роятся въ комнату около свѣчъ и, полетѣвъ къ огню слишкомъ близко, падаютъ мертвыя цѣлыми кучами. Онъ, какъ и александрійскіе комары, жалитъ безъ пощады съжаго челоуѣка, до того что отъ нихъ выступаютъ на кожѣ волдыри. Однако Г. Эйхвальду кажется весьма сомнительнымъ, чтобъ они были причиною болѣзни. Отчего жъ бы мошкамъ, спрашиваетъ онъ, нападать болѣе на чужихъ чѣмъ на туземцевъ? — а это необходимо было бы допустить, потому что почти одни только пріѣзжіе подвергаются кожной болѣзни. Но отчего же египетскіе комары такъ опасны для новопріѣзжихъ? Они дѣйствительно чувствуютъ свѣжее тѣло и, со всего дома, со всей улицы, налетаютъ въ комнату путешественника въ первыя ночи послѣ его прибытія. Тотъ, кто пишетъ эти строки, испыталъ на себѣ ихъ злобный инстинктъ; лицо, руки и всѣ части тѣла, доступныя ихъ жалу, распухли у него на другой день какъ въ водяной болѣзни и покрылись

красною сыпью наподобіе кори. Дней через десять былъ здравъ и такъ же друженъ съ комарами какъ любой туземець, и они не трогали его болѣе. Мы согласны съ мнѣніемъ господина Magendie, что не всѣ народыя говѣрія такъ смѣшны какъ они вообще кажутся ученому предубѣжденію. Авторъ замѣчаетъ еще, что вообще прѣзжіе за-немогаютъ отъ климата, какъ здѣсь, такъ и во всѣхъ закавказскихъ земляхъ, болѣе въ первый годъ чѣмъ въ слѣдующіе, и потому должно особенно остерегаться сначала. Болѣзни этого края отнюдь не терпятъ укрѣпляющихъ средствъ, и лекарства металлическія, особенно ртуть въ большихъ пріемахъ, совершенно необходимы.

Объ первыя недѣли августа мѣсяца здѣшніе Персы торжествовали праздникъ Гуссейна. Это величайшее религіозное торжество, которымъ поддерживается и ежегодно обновляется расколъ между шитами, послѣдователями Алиевой секты, и суннитами, приверженцами Омара. Въ семи верстахъ отъ Баку, у самаго моря, лежитъ Шейхова Деревня, куда стекается на богомолье множество шитовъ изъ окрестныхъ областей. Говорятъ, лѣтъ за сто свирѣпствовала тамъ чума и истребила все народонаселеніе.

Къ сѣверу отъ Баку, верстахъ въ двѣнадцать, находится на Апшеронскомъ Полуостровѣ знаменитый «Вѣчный огонь», или «Огни», *Atemga*, о которыхъ мы приводили въ послѣдней книжкѣ нашего журнала замѣчанія сочинителей «Обозрѣнія російскихъ владѣній за Кавказомъ». Путешественники отправились туда вечеромъ. Издалека уже видно это рѣдкое явленіе природы. Вскорѣ ясно различаете въ темнотѣ четыре главные огня, и чѣмъ ближе къ нимъ подъѣзжаете, тѣмъ болѣе видите маленькихъ огоньковъ, которые мелькаютъ изъ-подъ земли. Четыре большіе поднимаются высоко въ воздухъ и освѣщаютъ всю сумрачную, пустынную окрестность. Наконецъ видна и высокая бѣлая стѣна, и изъ-за нея четыре трубы, которыми выходятъ эти огромные пламенники. Въ самой стѣнѣ есть трубы, изъ которыхъ свѣтятъ такіе же огни, и наконецъ внѣ ея мелькаютъ изъ земли мадыя свѣточы. Вы точно передъ какимъ-нибудь волшебнымъ замкомъ! Путешественники приблизились къ воротамъ и вдругъ вошли въ обширный, ярко освѣщенный дворъ.

Всерединѣ возвышается четырехугольная храмина съ четырьмя трубами, изъ которыхъ вѣется пламя. Къ меньшей храмине ведутъ нѣсколько ступеней, и у самой крѣвли виситъ колоколь. На полу горитъ огонь, и кругомъ изъ известковаго грунта пылаютъ множество подобныхъ факеловъ. Отсюда происходитъ такой свѣтъ, что при вступленіи во дворъ вы ослѣплены совершенно. По внутренней сторонѣ стѣны расположены келіи Индѣйцевъ; одинъ изъ нихъ принялъ путешественниковъ у самаго входа: почти нагой, опоясанный только передникомъ и съ бѣлой чалмою на головѣ, онъ вышелъ изъ кельи медленными, осторожными шагами, остановился, сложилъ руки, и, благоговѣнно поклоняясь своему огненному божеству, непрерывно повторялъ, по-индѣйски, «Рама, сохрани великаго владыку Россіи!» Рама значитъ — Богъ. Тутъ вышло изъ келій еще нѣсколько полу-нагихъ Индѣйцевъ. Ихъ смуглый цвѣтъ, ихъ включенные волосы, которые у многихъ висѣли въ совершенномъ безпорядкѣ, и худоба ихъ тѣла, болѣе похожаго на оглоданный остовъ, все это производитъ странное впечатлѣніе. Индѣецъ, встрѣтившій нашихъ путешественниковъ, заставилъ ихъ войти къ себѣ въ келью, гдѣ, кромѣ жалкаго ковра и пары кубшиновъ, не было ни какой утвари; но передъ кельею стоялъ прекрасный резной кустъ въ полномъ цвѣтѣ. Отсюда пошли они къ другимъ Индѣйцамъ, которыхъ здѣсь до двѣнадцати. Келіи почти у всѣхъ малы, но въ болѣе части этихъ комнатъ горятъ священные огоньки. У одного изъ жрецовъ Г. Эйхвальдъ видѣлъ собраніе кумировъ, — маленькія, металлическія фигуры животныхъ, стоявшія въ углу на столикѣ передъ шелковымъ занавѣсомъ. Другіе, полу-человѣческіе, образы написаны были на стѣнѣ яркою алой краскою: они въ коронахъ, но съ длинными хвостами, и трубятъ въ огромные рога. Это жрецы богини *Ханумъ*.

Индѣйцы эти почитаютъ очень за нѣчто священное или за самое божество: они собственно принадлежатъ къ сектѣ Парсовъ, огнепоклонниковъ, послѣдователей Зороастра, котораго ученіе перемѣшано у нихъ съ догматами браминовъ и суевѣрными обрядами другихъ сектъ индѣйскихъ. Огонь или, точнѣе, *свѣтъ*, и богъ — у нихъ однозначительны. Свѣтъ называютъ они то арабскимъ словомъ *пуръ*, то персидскимъ

аганъ (блескъ), которое папоминаетъ русское «огонь». Индусы и *аганъ* — рама, божество, Кришни. У жреца голова была сначала обернута большой шалью какъ у татарскаго муллы; но послѣ онъ снялъ шаль, и обнажилъ свои короткіе черные волосы, связанные въ комъ на затылкѣ. Сверхъ платья былъ на немъ широкій кафтанъ или халатъ. Другіе изъ этихъ честныхъ господъ, напротивъ, расхаживаютъ по келліямъ своимъ совсѣмъ нагіе, и только нижняя часть желудка обернута у нихъ льняною или бумажною тряпкою, а на головѣ торчитъ шалева чалма какъ у муллы. У некоторыхъ русые грязные волосы вовсе непокрыты, ярко выкрашены подъ огненный цвѣтъ въ угожденіе божеству, и висятъ въ безпорядкѣ колтунными космами. Лобъ — красный пополамъ съ желтымъ отъ шафрана; въ ухахъ — амулеты, которые почитаютъ они также за рамы, за боговъ. У одного вмѣсто серегъ были огромные роговые обручи, или кольца; у другаго висѣла на шеѣ деревянная дудочка, въ три четверти вершка длинны, привязанная снуркомъ. Онъ игралъ на ней и смѣлся отъ радости, что богъ его такъ звученъ. У иныхъ наконецъ были на шеѣ, въ видѣ идиоловъ, овальные деревяшки на снуркѣ и величиной съ обыкновенные орѣхи; всерединѣ онѣ просверлены, дѣлаются изъ весьма крѣпкаго дерева и издаютъ сильный блескъ. Вѣроятно, Индѣйцы принесли съ собой этихъ боговъ изъ Мультапа. Многіе изъ нихъ приходятъ сюда молиться только на пять лѣтъ, другіе на восемь, и, совершивъ молитву за себя или за другихъ, опять возвращаются на родину. Но иные живутъ уже отъ пятнадцати до тридцати лѣтъ и вѣроятно кончатъ жизнь свою подлѣ священныхъ огней. Они живутъ очень скудно; никогда не ѣдятъ мяснаго, и питаются одними только овощами, которыя разводятъ сами. Двое не должны ѣсть вмѣстѣ, и потому у каждаго есть маленькая мѣдная посуда, которую онъ всегда держитъ въ чистотѣ и въ которой варитъ себѣ пищу. Богатый Индѣецъ, Отумдженъ, который держалъ тогда на откупъ обильную Сальянскую рыбную ловлю, много помогалъ этимъ бѣднякамъ, и деньгами и съѣстными припасами, потому что сухая почва около *Атешига* совсѣмъ бесплодна.

Вѣчный огонь поддерживается горючимъ газомъ, — почти совершенно чистымъ водороднымъ, а не нефтью, какъ не-

справедливо утверждали прежніе путешественники. Газъ выходитъ изъ всѣхъ расщелинъ и отверзтій известчатой почвы, воспламеняется тотчасъ отъ приближенія огня и продолжаетъ горѣть безпрестанно; но никогда не загорается онъ самъ собою или отъ соприкосновенія съ раскаленнымъ углемъ, хотя бы уголь передъ тѣмъ сильно раздули: для возгоранія необходимо пламя. Этотъ газъ не имѣетъ запаха при выходѣ изъ трещинъ известняка, и не обнаруживаетъ ни какого ощутительнаго повышенія температуры. Онъ легче атмосферическаго воздуха. Г. Эйхвальдъ наполнилъ имъ нѣсколько бутылокъ и отправилъ для разложенія въ Казань. Вблизи храма есть глубокій колодець, откуда Индѣйцы черпаютъ воду, которая, какъ и вообще вся здѣшняя вода, отзывается нефтью и течетъ въ известчатой почвѣ. Когда покороешь этотъ колодець, въ полчаса собирается много водороднаго газа, который всё подымается вверхъ и держится въ летучемъ видѣ надъ водою. При открытіи колодца, бросьте въ него зажженный пукъ соломы, газъ загорается, смѣшанный уже съ атмосфернымъ воздухомъ, и издаетъ громъ, подобный пушечному выстрѣлу. Индѣйцы сами показываютъ эти страшныя штуки посетителямъ. Но прежде чѣмъ они узнали это свойство газа, отъ него погибла часть монастырскаго зданія. Одинъ Индѣецъ случайно поднесъ огонь слишкомъ близко къ кровль; собравшійся тамъ гремучій воздухъ незапно воспламенился; храмина рухнула и изувѣчила многихъ. Съ - тѣхъ - поръ обходятся они съ огнемъ очень осторожно. Профессоръ Эйхвальдъ безъ умысла поднялъ зажженую свѣчу: всѣ бывшіе въ кельѣ сбѣжались съ ужаснымъ крикомъ, хватали свои пожитки и бросались со всѣхъ ногъ на дворъ, думая, что онъ хочетъ зажечь ихъ жилище.

Изъ древнихъ писателей почти никто не упоминаетъ о вѣчномъ огнѣ близъ Баку, кромѣ Птоломея, которому хорошо известна была Земля Маговъ при устьѣ реки Кура: его «Сабейскіе алтари» безъ-сомнѣнія означаютъ такіе же огненные жертвенники, которые однако находились, кажется, гораздо южнѣе, напримѣръ около нынѣшняго Сальяна. Изъ арабскихъ писателей опредѣлительно говоритъ объ этомъ явленіи Масъуди, около 967 года. По словамъ его, въ Баку огненный столбъ восходитъ очень высоко и видѣнъ со всѣхъ

сторонъ на сто парсапгъ; волканъ, говорить онъ, гаеть и камни, далѣ чтъмъ можно завидеть зрѣнїемъ. Все это явно указываетъ на сильное огнеизверженіе, подобное тому, какое было здѣсь 27 ноября 1827 года.

Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ вѣчнаго огня лежитъ множество нефтяныхъ копей. Черной нефти гораздо болѣе нежели бѣлой; черпается она глубоко изъ земли, но мѣстами сама выступаетъ наружу и течетъ маленькими ручьями. Жидкая нефть зеленовата, а густая черна. Изъ всѣхъ копей добывается до 25,000 пудовъ въ мѣсяцъ. Черной нефти получается въ годъ около 24,300 пудовъ; бѣлой только 800. Сверхъ-того, на Аншеронскомъ Полуостровѣ много соляныхъ озеръ, откуда соль вывозится не только въ сосѣднія области, Ширванъ, Дагистанъ и Галышъ, но и въ отдаленную Персію. Ее добываютъ изъ немногихъ озеръ, потому что весьма достаточно и этой. Значительнѣйшія озера — Масасырь, Зыхъ и Кале. Прежде и нефть и соль продавались здѣсь отъ казны. Грузинское горное начальство присылало чиновниковъ, которые завѣдывали собираніемъ этихъ произведеній. За соль казна ежегодно выручала 45,000 рублей серебромъ, за нефть 69,500. Изъ этой суммы выдавалось рабочимъ и на другіе расходы 12,000 рублей серебромъ, такъ, что чистая прибыль составляла болѣе 100,000. Въ послѣдствіи продажу нефти и соли отдали на откупъ за 96,000, да и тѣ выплачивались очень медленно. Теперь добываніе ихъ, кажется, опять взято казною, и доходъ вѣроятно значительнѣе прежняго.

Къ важнѣйшимъ предметамъ Бакинской торговли принадлежатъ шафранъ, разводимый жителями въ большомъ количествѣ на окрестныхъ горахъ и въ почвѣ, по большей части песчаной. Ежегодно обрабатываютъ его до 3.000 пудовъ, по сту рублей серебромъ за каждый круглой цѣною, и вывозятъ особенно въ Персію. Но бакинскіе Персіяне ужасно его поддѣлываютъ, и это возбуждаетъ общія жалобы покупщиковъ. Во времена хановъ за такую поддѣлку наказывали пенею отъ ста до двухъ сотъ рублей; сверхъ-того обманщику намазывали шафраномъ лицо и обрѣзывали бороду. Въ загородныхъ садахъ воздѣлываютъ виноградъ; но вино

по большей части привозятъ изъ Шамахи, и, правду сказать, это одно изъ лучшихъ на всея Кавказъ.

Около Баку и на окрестныхъ островахъ авторъ нашель, кроме нѣсколькихъ замѣчательныхъ соляныхъ растений, многіе странные виды животныхъ, особенно изъ амфибій.

Въ концѣ августа оставилъ онъ Баку и пустился опять къ восточному берегу. Уже на третій день мореплаватели увидѣли островъ Челекенъ. Какъ скоро тамошніе Туркменцы замѣтили приближеніе корабля, они отправились къ нему навстрѣчу въ маленькомъ челнокѣ, или *кырджимъ*. Наши мореплаватели невольно дивились смелости этихъ островитянъ, которые встряли себя волнамъ бурнаго моря на такихъ утлыхъ лодочкахъ. Одного изъ нихъ взяли они въ лодманы. Несмотря на это, около Красноводской Косы корветъ съѣлъ на мель, и Туркменецъ вспомнилъ объ ней уже въ то время, когда надобно было отгружаться чтобы сойти на боду. Онъ рассказывалъ, что мѣть за двѣсти былъ тутъ довольно обширный островъ, который вдругъ опустился въ бездну.

Въ Балханскомъ Заливѣ вообще мало рыбы. Гдѣ ни закидывали неводъ, онъ вездѣ возвращался пустой; изрѣдка только попадалась рыба на удю. Въ декабрѣ рыболовы начинаютъ свой промыселъ около острова Челекена. Тогда кырджимы выходятъ на нѣсколько всрѣсть въ море, и ловятъ на глубинѣ двадцати сажень. Добыча бываетъ довольно значительна. Весь заливъ замерзаетъ въ суровую зиму, такъ, что изъ Челекена въ Красноводскъ можно проѣхать верхомъ, держась поближе къ берегу. Летомъ, напротивъ, бываетъ жаръ невыносимый, вредный даже для здоровья. Туркменцы говорятъ, что камни, брошенные въ воду, шипятъ какъ уголья, — такъ накаливаются они солнцемъ! Осьмага сентября поднялся страшный сѣверный вѣтеръ, и хотя путешественники были только въ пяти верстахъ отъ берега, однако жъ никакъ не могли подойти ближе. Во время равноденствій, на Каспійскомъ Морѣ вообще господствуютъ сильныя бури, и потому наши путешественники старались достигнуть до этого залива, какъ до безопаснаго убѣжища. На другой день Г. Эйхвальдъ съѣхалъ на берегъ и отправился прямо къ туркменскому аулу, состоявшему изъ двадцати шести киби-

токъ. Одсждою Туркменцы эти похожи на бакинскихъ Персовъ, то есть, мужчины: по женщины: посятъ на головъ страшный уборъ, который тотчасъ бросается въ глаза. Это широкая и выская шапка изъ краснаго или голубаго бархату; спереди виситъ множество старыхъ серебряныхъ или золотыхъ монетъ, или сердоликовъ, обдѣленныхъ въ серебро, на серебряной же цѣпочкѣ. Прочіе женскіе наряды сходны съ персидскими. Туркменки ходятъ въ широкихъ шараварахъ и короткой шелковой рубашкѣ съ открытой грудью. Сверху надѣваютъ онѣ куртку изъ толстой шелковой ткани, и наконецъ обертываются шелковымъ покрываломъ. Волосы, совершенно черныя и съ лоскомъ, висятъ у нихъ двумя косами на спинѣ. Мужчины носятъ, какъ астраханскіе Татары, халатъ и бѣлые полотняные шаравары; рѣдко подъ халатомъ еще кафтанъ въ холодную погоду. Башмаки у нихъ вообще въ жалкомъ состояніи: кто побѣдите, тотъ привязываетъ къ подошвамъ лоскутья кожи и путешествуетъ такимъ образомъ по каменистому и песчаному міру. Богатство ихъ состоитъ въ многочисленныхъ стадахъ барановъ, которые цѣлыми тысячами бродятъ по берегу. Кромѣ-того держатъ они верблюдовъ, лошадей и собакъ. Коровъ совсѣмъ нтъ. Дѣвушекъ заранѣе продаютъ женихамъ. Если родители бѣдны, то болѣе достаточная кибитка даетъ ей въ приданое нѣсколькихъ барановъ, коня и домашнюю утварь. Кибитку молодые дѣлаютъ себѣ сами, и потомъ живутъ кое-какъ.

Отъ палящаго солнечнаго зноя у Туркменцевъ бываютъ глазныя болѣзни, пятна на роговой оболочкѣ, и свѣтлоблѣзнь: они почти всегда съ полузакрытыми глазами. Дымъ кибитокъ и яркій, блестящій, песокъ степей быть-можетъ также къ этому содѣйствуютъ. Эти поколѣнія принадлежать все къ суннитскому вѣроисповѣданію и говорятъ татарскимъ нарѣчіемъ; но Г. Эйхвальдъ нерѣдко замѣчалъ между ними совершенно европейскія лица, а одинъ и по выговору и по приѣмамъ показался ему Русскимъ: этотъ бѣжалъ быть-можетъ изъ Астрахани или Баку и нашелъ здѣсь убѣжище. Бѣглецу нужно только принять ихъ законъ: чтобы показать все превосходство Магомета, новотрца они готовы женить на двухъ дородныхъ женахъ и дать ему кибитку съ домашнимъ скотомъ.

Чрезвычайно изумило автора образованіе здѣшнихъ горъ: въ нихъ попадаются иногда высокіе гранитные утесы, которые, какъ извѣстно, принадлежатъ, по мнѣнію геологовъ, къ самымъ древнимъ и первобытнымъ почвамъ земли. Доселѣ замѣчалъ онъ на берегахъ Каспія однѣ новѣйшія, третичныя, породы камня, наполненныя раковинами; но тутъ вдругъ увидѣлъ гранитныя и порфирныя купы, которыя круто поднимаются надъ поверхностью земли и составляютъ самую разительную противоположность съ прочими берегами этого моря. Знаменитый германскій геологъ, фонъ-Бухъ, удивился, мы думаемъ, еще болѣе, нашедши въ послѣднее путешествіе свое по Норвегій огромные пласты первобытнаго гранита, лежащими на слояхъ каменныхъ массъ такъ называемаго третичнаго образованія, а не *подъ* ними.

При началѣ залива лежитъ островъ Дагода, состоящій изъ шести значительныхъ гранитныхъ скалъ, версты четыре въ длину и съ полверсты шириною. Длина всего залива простирается верстѣ на сто, и чѣмъ далѣе въ него ехдите, тѣмъ поверхность земли плоче: южный берегъ — совершенная стена, а на северномъ, по крайней-мѣрѣ до половины залива, нѣтъ ни одной значительной возвышенности; здѣсь только начинается цѣпь известчатыхъ горъ, происходящихъ, кажется, изъ балханской купы. Осмотрѣвъ берегъ, авторъ отправился къ знаменитому *бывшему* устью Аму-дерьи, или Оксуса, которое Туркменцы называютъ Ахтамомъ. Оно не что иное какъ длинная и узкая губа, которая имѣетъ видъ огромной рѣки и глубоко заходитъ въ степь; отъ того мѣста, гдѣ прекращается морская вода, широкій сврагъ тянется еще далѣе, представляя подобіе высохшаго русла. Утверждаютъ, что этотъ оврагъ, промытый по всей вѣроятности потоками, проникаетъ до самой Аму-дерьи, которая, какъ извѣстно, впадаетъ въ Аральское Море. Безпрерывность оврага на такомъ обширномъ пространствѣ вовсе не доказана; но, между-тѣмъ, склонность Восточныхъ къ романтическимъ предположеніямъ подала поводъ къ преданію, будто-бы этотъ оврагъ есть прежнее русло Аму-дерьи и Ахтама — ея старинное устье. Мнѣніе это, совершенно новѣйшаго изобрѣтенія и неизвѣстное арабскимъ писателямъ, которые превосходно знали Аму-дерью и тоже любили соби-

рать связки, возбуждающія удивленіе читателей, утверди-
лось у Туркменцевъ и Хивинцевъ особенно съ того времени,
какъ Абульгази внесъ его въ свою книгу, если только не
самъ онъ его и выдумалъ. Переводы исторіи этого хана на
разныя европейскіе языки распространили повѣсть его меж-
ду западными учеными, и нѣкоторые путешественники ста-
рались поддержать ее мнимыми наблюденіями на-мѣстѣ.
Весьма естественно, что Г. Эйхвальдъ желалъ посмотрѣть на
это «древнее» устье. Корветъ оставался на якорѣ у остро-
ва Дагода; путешественникъ взялъ съ собою три лодки съ
восруженными людьми.

По наблюденію Туркменцевъ вода въ Балханскомъ Заливѣ
тридцать лѣтъ убываетъ, а въ слѣдующія тридцать опять
прибываетъ. Въ то время она уже три года постоянно шла
на убыль. Еще лѣтъ за десять производился въ заливѣ живой
торгъ. Челекенскіе Туркменцы привозили много нефти въ
Ахтамъ, гдѣ, у подошвы Балханскихъ Горъ, другіе Туркмен-
цы стояли съ своими кибитками. Теперь все это прости-
ство, какъ и прочія части залива, обмелѣли или высохли, и
сдѣлались недоступными даже для плоскодонныхъ кырджимовъ.
Плыва къ Ахтamu, путешественники остановились но-
чевать на одномъ островкѣ. Бѣлая глинистая почва была до-
вольно тверда и обѣщала имъ исцелѣть безопасный: какъ уди-
вились они поутру, увидѣвъ, что островокъ значительно
распространился! Въ продолженіи ночи вѣтеръ съ моря
утихъ; нагнавшая вода пошла на убыль, и оттого обнажилось
гораздо болѣе острововъ, чѣмъ было наканунѣ. Благодаря
этому обстоятельству, путешественники могли ясно разли-
чить нѣсколько рукавовъ, которыми губа Ахтамъ соединяет-
ся съ Заливомъ Балханскимъ. Во заливѣ не замѣтили они ни
одной рыбы, и морскія птицы попадались рѣдко, кромѣ нѣ-
сколькихъ чаекъ и баклановъ; но передъ отверзтіемъ Ахта-
ма, которое авторъ называетъ «устьемъ», встрѣтили они
множество красныхъ гусей, *phenicopterus ruber*, которые
покрывали всю поверхность воды. Магросы ловили ихъ ру-
ками, особенно молодыхъ, и получили изъ нихъ слабое жар-
кое. Особенно вкусенъ мясистый языкъ этихъ гусей, кото-
рый такъ нравился Римлянамъ, что они нарочно выписывали
его изъ Африки. Мѣстные племена рассказываютъ, что нѣ-

когда край этотъ былъ много посѣщаемъ, и что при «устѣ» Ахтама производился значительный торгъ рыбою, «когда Ахтама былъ рѣкою», текущую отъ предтоловъ Тангута, то есть, когда онъ и Аму-дерья составляли одну рѣку; однимъ словомъ, когда этотъ азіатскій Ниль, пройдя мимо Хивы, впадалъ въ Балханскій Заливъ и приносилъ съ собою множество рыбъ. Сказаніе это повторяютъ Туркменцамъ грамотные муллы, которые читали исторію Абульгази; Туркменцы повторяютъ путешественникамъ; путешественники намъ: одинъ хивинскій ханъ, говорятъ, велѣлъ запрудить Ахтама, опасаясь отъ него бѣдствія для своего края, и съ-тѣхъ-поръ вся масса его водъ течетъ въ Аральское Море подъ именемъ Аму-дерья, кромѣ нѣсколькихъ каналовъ, которые отведены изъ рѣки для орошенія полей хивинскаго ханства.

Авторъ думаетъ, что Ахтама во время оно могъ точно быть значительной рѣкою: это видно, говоритъ онъ, и по глубинѣ фарватера, которая у начала губы тогчасъ увеличивается, и потомъ возрастаетъ тѣмъ болѣе, чѣмъ далѣе плывете вверхъ по главному рукаву, тогда какъ тамъ, гдѣ начинается настоящій морской заливъ, гораздо болѣе мелководій, которыя, какъ и вездѣ передъ большими рѣками, образовались отъ наноса песку. Г. Эйхвальду сказывали, что вода въ руслѣ губы идетъ на нѣсколько дней пути отъ устья, но что она по большей части солона. При маломъ конвоѣ, наши путешественники не могли подыматься вверхъ далеко, однако жъ они достигли до пераздѣльнаго русла губы, въ которомъ глубина мѣняется отъ двухъ до двухъ съ половиною сажень. Здѣсь переправлялся черезъ Ахтама и Н. Н. Муравьевъ, въ экспедицію свою къ Большому Балхану: въ глинистой почвѣ видны еще слѣды колесъ его фалконетовъ. Туркменцы сказывали также профессору Эйхвальду, что у подошвы Балхана есть большое кладбище съ нѣсколькими сотнями гробницъ; что прежде жило тамъ много семейныхъ племенъ, и что въ руслѣ была тогда прѣсная вода.

Чѣмъ далѣе путешественники подымались вверхъ по губѣ, тѣмъ уже она становилась; наконецъ разстояніе между берегами было не болѣе версты, а двухсаженная глубина все оставалась безъ перемѣны. Вопреки старому Туркменцу, котораго Хіатъ-ага далъ въ провозатые Г. Эйхвальду, уче-

ный путешественник вышел на правый берег, былъ обрадованъ печальнымъ зрѣлищемъ совсѣмъ другой растительности и нѣсколькихъ животныхъ страннаго вида, которыхъ удалось ему замѣтить наскоро. Къ послѣднимъ особенно принадлежить большая ящерица, *monitor* по Кювиѣ, которую профессоръ Эйхвальдъ назвалъ потомъ *psammotargus caspius*: она имѣетъ четыре фута длины, и находитъ себя подобныхъ только въ Египтѣ. Еще замѣтилъ онъ маленькую, но весьма ядовитую, очковую змѣю, которыхъ родственницы живутъ въ Индіи и Египтѣ, и назвалъ ее *paga oxiana*. Изъ растений нашелъ онъ много соляныхъ, и одинъ видъ совсѣмъ новый, который профессоръ Ледебуръ, въ честь Г. Эйхвальду, далъ имя *eichwaldia oxiana*. Желательно, чтобы какой-нибудь естествоиспытатель пробылъ здѣсь долѣе съ надлежащимъ прикрытіемъ и изслѣдовалъ весь Балханъ: безъ-сомнѣнія, онъ нашелъ бы жатву болѣе обильную чѣмъ на всѣхъ прочихъ берегахъ Каспійскаго Моря.

Изъ однихъ уже названій *paga oxiana*, *eichwaldia oxiana*, читатели, знакомые съ существомъ вопроса о древнемъ теченіи Оксуса, или Аму-деря, догадываются, что Г. Эйхвальдъ тоже считаетъ Ахтамъ за прежнее устье этой знаменитой рѣки и вѣритъ, что она дѣйствительно впадала нѣкогда въ Каспійское Море; что массагетскій Араксъ, Оксусъ историковъ Александра Великаго и Страбона, Джейхунъ Аравитянь, Аму-деря нынѣшнихъ Узбековъ и Персіанъ, и губа Ахтамъ Туркменцевъ—одна и та же рѣка; что наконецъ Аму-деря образовала только правый рукавъ, или русло западнаго устья, Оксуса, тогда какъ лѣвый рукавъ его впадалъ прямо въ Каспійское Море. какъ то говорилъ и Геродотъ, насупротивъ острова Чекелена, тамъ гдѣ нынче Ахтамъ. Всѣмъ извѣстно, что мы всегда были непреклонными противниками этой теоріи, которая кажется намъ основанною на томъ, что обыкновенно ссылаются на свидѣтельство Геродота, не принимая труда прочесть его со вниманіемъ и проникнуть настоящій смыслъ словъ перваго историка. Если бы мы не боялись испугать многочисленныхъ читателей этого журнала греческими и латинскими текстами, намъ конечно было бы весьма пріятно войти въ ближайшій разборъ столь любопытнаго предмета съ такимъ ученымъ какъ госпо-

дипъ профессоръ Эйхвальдъ. Многія уваженія заставляють насъ отказаться нынче отъ этого удовольствія. Мы сошлемся на то, что уже сказали въ статьѣ «Аму-дерья», гдѣ, какъ намъ кажется, осязательно обнаружена была несбыточность предположенія, къ которому присталъ и нашъ путешественникъ. Мы показали тамъ, что Геродотъ рѣшительно слыхаль о существованіи Аральскаго Моря и о болотистой дельтѣ, которую Оксусъ образуетъ при впаденіи своемъ въ это отдѣльное водохранилище, и что его только не повалили. Отсюда слѣдуетъ, что настоящее устье Аму-дерьи всегда находилось въ томъ же мѣстѣ, гдѣ оно и теперь находится. Что касается до одного рукава Оксуза, которое Геродотъ провелъ въ Каспійское Море, то бростой разборъ его географическихъ понятій убѣждаетъ до очевидности, что онъ подъ названіемъ Аракса смѣшивалъ четыре рѣки, Оксусъ, Яксартъ, Ра и Араксъ: все, что онъ говоритъ, справедливо, только надобно съ приличною критикою отнестъ къ каждой изъ трехъ рѣкъ то, что ей принадлежитъ въ этомъ прославленномъ пассажѣ. Замѣтимъ еще одно обстоятельство, на которое желали бы мы обратить вниманіе Г. Эйхвальда: при основаніи какой-бы то ни было гипотезы на свидѣтельствъ древнихъ географовъ, непременно должно принимать въ соображеніе всю систему ихъ понятій о формѣ земли и не выпускать изъ виду неизбѣжныхъ слѣдствій этой системы. Съ первыхъ временъ образованности Греціи, утвердилась между ея грамматъями, поэтами и учеными, странная географическая теорія, которая болѣе всего препятствовала познанію ствера, но въ которую все вѣрили, потому что она связывалась съ преданіями о плаваніи Аргонавтовъ, утверждена была Гезіодомъ, Гомеромъ, орфическими поэмами, и освящена таинствами религіи. По этой теоріи все, и самъ Геродотъ, полагали, что земля есть плоскій кругъ, опоясанный Рѣкою Океаномъ, и что Денъ, выходя изъ этой окружной рѣки, переноситъ часть водъ ея въ Понтъ Эвксинскій, откуда онъ черезъ Босфоръ и Геллеспонтъ втекаютъ въ великій *средиземный* бассейнъ вселенной, «Средиземное Море», *Magre Internum*. Оттого, до путешествій Геродота, греческіе ученые не только не знали Каспійскаго Моря, но даже, когда бы имъ кто-нибудь и сказывалъ объ немъ, не могли вѣрить

существованію огромнаго отдѣльнаго водохранилища, сообщающагося съ главнымъ, центральнымъ, Средиземнымъ. Въ Геродотѣ находимъ мы первое положительное свидѣніе о существованіи Каспійскаго Моря, или «Озера», какъ отдѣльнаго водохранилища, и даже темное понятіе о другомъ маленькомъ бассейнѣ, Аральскомъ Озерѣ, которое отецъ исторіи называетъ «*лужами и болотами*», именно вслѣдствіе той теоріи, которая не допускала, чтобы могли существовать моря, принимающія въ себя рѣки и неизбѣжнѣ сообщенія съ Средиземнымъ Моремъ. Открытіе Каспійскаго Озера не противорѣчило орфической и гомеровою теоріи земли, потому что, по этой же теоріи, Черное Море сообщалось съ какимъ-то большимъ озеромъ посредствомъ рѣки Фазиса, которая протекала черезъ Кольхиду. Но Аральское Море, о которомъ тоже слышалъ Геродотъ?..... О! тутъ уже надобно было прибѣгнуть къ натяжкамъ для согласенія теоріи съ разсказами о дѣйствительности; и главное, универсальное, средство выпутаться изъ затрудненія и сдѣлаться вѣроятнымъ было въ то время — *вторые* рукава рѣкъ. Уже Аже-Орфей подалъ примѣръ этого средства, прихитивъ, что Фазисъ не соединяетъ Каспія съ Чернымъ Моремъ: онъ придумалъ Фазису *второй* рукавъ, который будто-бы впадаетъ въ Донъ; а какъ Донъ выходилъ изъ Океана, слѣдственно все было въ порядкѣ. Геродотъ, который подъ именемъ Аракса подразумѣвалъ то Араксъ, то Яксартъ, то Оксусъ, то Волгу, употребилъ тотъ самый способъ въ отношеніи къ Аралу: онъ назвалъ его «*лужами и болотами*» и, чтобы не переполнить ихъ водою, отвелъ второй рукавъ своего Аракса, или Оксуса, въ Каспійское Море. Въ томъ нѣтъ ни какого сомнѣнія, что *Араксъ* у Геродота значитъ также и *Ра*, или Волга: такъ можно еще спросить — точно ли онъ здѣсь говоритъ объ Оксусѣ, а не о Волгѣ? Посмотримъ дажѣ систему *вторыхъ* рукавовъ. Итоломей и Помпоній Меланимъ уже достаточное понятіе о теченіи Волги, и между тѣмъ оба они полагаютъ, что эта рѣка имѣетъ два устья, одно въ Каспійское Море, а *второе* въ *Болото* Меотійское, или Азовское Море, смѣшивая такимъ образомъ Волгу съ Денемъ. Итоломей, зная навѣрное о самобытности Дона какъ отдѣльной рѣки, чтобы выпутаться изъ противорѣчія,

предположилъ, что второе устье Волги находится поближе къ устью Дона: «есть и другое устье рѣки Ра, говоритъ онъ, близкое къ устью Дона». Помпоній предпочелъ пустить оба устья въ Каспійское Море, потому что еще во времена Александра Великаго рѣшено было, что Каспійское Море не море, а заливъ сѣвернаго Океана; и слѣдственно не было опасности впустить всю Волгу въ Каспій. Эратоссенъ и Страбонъ, напротивъ того, соединяли Каспійское Море, которое, по ихъ мнѣнію, было только заливомъ Океана, узкимъ проливомъ съ сѣверною частью этого окружнаго водохранилища; очевидно, они присимали Волгу за проливъ, и такимъ образомъ она исчезала на ихъ картахъ. Какъ бы то ни было, темныя теоріи Волги у этихъ писателей не должны служить доказательствомъ, что въ ихъ время еще очень мало знали съ этой знаменитой рѣкѣ: ученые вообще узнаютъ послѣдніе о томъ, что извѣстно всякому. Изъ словъ самого Помпонія видно, что Волга была рѣка «славная» между его соотечественниками, и въ описаніи Каспійскаго Моря онъ говоритъ: «Многія рѣки, великія и малыя, втекаютъ въ этотъ заливъ (Помпоній полагалъ тоже, что Каспійское Море есть заливъ океана, на которомъ плаваешь кругъ земной), но славнѣйшія изъ нихъ тѣ, которыя выходятъ изъ горъ Кераунійскихъ, суть Волга», и прочая. Но разсматривая всѣ подобныя свѣдѣнія, надобно всегда помнить, что невѣжество древнихъ географовъ относительно сѣверныхъ и каспійскихъ странъ, не было невѣжество натуральное: оно поддѣльно, и объясняется самою ихъ ученостью; они съ умысломъ искажали народныя извѣстія, чтобы согласить ихъ съ своей знаменитою теоріей о плоскости земли и окружномъ океанѣ, теоріей, которая препятствовала имъ допустить самобытность отдѣльнаго Каспійскаго Моря, и тѣмъ болѣе заставляла отвергать слухи о существованіи еще и Арала. Если Птоломей, который зналъ навѣрное, что Ра не проливъ, а рѣка, провелъ второе устье Волги въ Азовское Море, то причиною этого промаха несомнительно было глубоко соображенное желаніе облегчить Каспій и вылить часть водъ огромной Волги въ Понтъ Эвксинскій, откуда онъ могли бы пробраться въ центральный бассейнъ земли, Средиземное Море. Греки, родившіеся въ колоніяхъ Чернаго Моря, и путешественники имперій

Александра Великаго и Римской, которые носъщали рода, не могли не имѣть ясныхъ понятій о Волгѣ и не разнестя ея славы по древнему образованному міру: эта рѣка составляла важную черту для переправы кочевыхъ племенъ, которыхъ движенія часто угрожали судьбѣ Эвксинскихъ колоній, и для перехода караваневъ; по Волгѣ лежалъ базисъ политическій и коммерческій тѣхъ странъ, и еще во времена Геродота торговый путь, *Via mercatorum*, изъ Средней Азіи къ берегамъ Чернаго Моря, перестѣкала Волгу. Черезъ нее переправлялись издѣлія Бактрійяны и Персіи и произведенія Индіи, которыя азіятскіе купцы вымѣнивали на дорогіе мѣха Скивовъ и на бѣлокурыхъ невольницъ сѣвера. Торговля эта, какъ извѣстно, продолжалась до открытія морскаго пути въ Индію около мыса Доброй Надежды; въ ея систему входили постепенно Греческія колоніи въ Тавриду, Итиль, или Агель, столица Хазаровъ; Великій Болгарь, Кіевъ, Новгородъ, поселенія Генуэзцевъ въ Крымъ и наконецъ Астрахань, и древняя Ра, подъ разными именами всегда была для ней основаніемъ столько же, какъ и для политики народовъ, которые изъ Азіи въ разныя времена вторгались въ Европу отвсртіемъ между Уральскими Горами и Каспійскимъ Моремъ. И между-тѣмъ географы упорно коверкали ея фигуру, превращали ее въ проливъ, придавали ей второй рукавъ, и этотъ рукавъ переносили изъ одного моря въ другое, чтобъ только быть вѣрными своей теоріи! Кажется, что, послѣ этого, совершенно понятно, откуда взялся у Геродота *второй* рукавъ его знаменитаго Аракса, и что такое хотѣлъ онъ выразить имъ, приводя въ систему свои сбивчивыя понятія о Яксартѣ, Оксусѣ, Волгѣ и Араксѣ, которые онъ безъ разбора называлъ Араксомъ.

Сообразивъ все это, и самъ Г. Эйхвальдъ, мы думаемъ, согласится, что не только нельзя издекатъ изъ Геродота ни какого свидѣтельства въ пользу Ахтама какъ древняго устья Оксуса, но даже его повѣствованіе ясно убѣждаетъ, что со времени этого писателя, въ историческіе вѣка, ровно ничего не перемѣнилось въ теченіи Аму-дерьи. Чтò было въ предъ-историческое время, о томъ мы не хотимъ спорить, уважая право каждаго на составленіе гипотезъ, болѣе или менѣе правдоподобныхъ. Но и тутъ, прежде чѣмъ говорить о перво-

бытномъ теченіи Оксуса въ Каспійское Море, надобно доказать физическую возможность такого теченія; надобно убѣдить насъ въ существованіи между Араломъ и Каспіемъ приличнаго склона для большой рѣки. Два барометрическія измѣренія высоты Арала даютъ намъ для воды его такое ничтожное возвышеніе надъ поверхностью Каспійскаго Моря, что покажутся нѣтъ возможности и подумать, чтобы тутъ когда-либо могла протекать рѣка. Конечно, на эти измѣренія нельзя полагаться, — теперь менѣе чѣмъ когда-либо, — но надобно опровергнуть ихъ новыми измѣреніями, а не гипотезами. Пока этого не будетъ сдѣлано, нечего и толковать съ Ахтамъ, какъ устьѣ Аму-дерьи даже въ предысторическія эпохи.

Изъ Балханскаго Залива Г. Эйхвальдъ отпраздился на островъ Челекенъ. У береговъ стояло множество кырджимовъ, которые все принадлежали старому хану острова, Хіать-агъ. Приближаясь, путешественники замѣтили, что стал кырджимовъ потянулася вѣтвь, вѣроятно чтобы укрыться отъ гостей. Безъ сомнѣнія, это были бакинскія суда, приходившія за нефтью, которая здѣсь дешевле; но торгъ этотъ строго запрещенъ, потому что подрываетъ продажу нефти въ Баку. Говорятъ, что и самому Хіать-агъ, который находится подъ русскимъ владычествомъ, запрещено продавать нефть Персіянамъ и Татарамъ, нашимъ подданнымъ. Оттого ходятъ сюда преимущественно персидскія суда изъ Зензили, Мазендерапа и Астрабада для закупки нефти или скорѣе для выкупа ея за сытные припасы.

При выходѣ на берегъ, путешественниковъ встрѣтила толпа Туркменцевъ, которые любопытствовали видѣть европейскую женщину: съ Г. Эйхвальдомъ, какъ мы сказали, была его супруга. Первый привѣтствовалъ ихъ старый Хіать-ага. Онъ былъ въ зеленомъ бархатномъ кафтанѣ, и на шеѣ у него красовалась золотая медаль съ изображеніемъ Императора Александра, который благоволилъ пожаловать ему этотъ знакъ отличія за преданность къ Россіи, по представленію генерала Ермолова. Хіать-ага не зналъ по-русски, но старшій сынъ его Якши-Махмедъ, который только года за два воротился изъ Тифлиса, гдѣ онъ прожил нѣсколько лѣтъ при Ермоловѣ, объясняется на нашемъ языкѣ очень

хорошо, даже изящно; вообще онъ занялъ все утонченности европейскаго обхожденія. Послѣ самаго дружелюбнаго приѣзда, онъ повелъ путешественниковъ въ свою, потомъ въ отцовскую, кибитку. На всемъ островѣ было до ста восьмидесяти кибитокъ и около тысячи человекъ, мужчинъ и женщинъ, подданныхъ стараго Хіать-аги. Въ бытность здѣсь капитана Муравьева, онъ оказывалъ ему самое дѣятельное пособіе и снабдилъ его проводниками до Хивы, за которыхъ отвѣчалъ головою. У него была прежде богатая рыбная ловля въ Астрабадѣ и нѣсколько владѣній у Серебрянаго Бугра; но, терпя много огъ Персіянъ за приверженность къ Россіи, онъ удалился на этотъ островъ, и вѣкоръ послѣдовали за нимъ все прежніе его подданные. Старикъ не-шутя изъявлялъ Г. Эйхвальду свое неудовольствіе за то, что изъ Тифлиса давно не присылали спросить объ его здоровьѣ.

Якши-Махмедъ производитъ самъ всю торговлю, не давая отчета Хіать-агѣ, котсрый уже слишкомъ старъ для подобныхъ занятій. Онъ ишетъ по-русски такъ же хорошо, какъ и говоритъ. У него есть русская грамматика, ариѳметика и географія, и онъ продолжаетъ изучать ихъ. Онъ подчивалъ гостей кофею и чаемъ, обѣдомъ и ужиномъ, на европейскую статью. Онъ женатъ, но не иметъ дѣтей, и потому собирався взять другую жену. Ей было только двѣнадцать лѣтъ, и она жила въ Астрабадѣ, гдѣ онъ долженъ былъ купить ее у родителей за пять тысячъ рублей. Первая жена его еще ничего съ этомъ не знала. Она приняла путешественниковъ очень страннымъ образомъ, но показывающимъ ея стличное воспитаніе. Въмѣсто того чтобъ приветствовать ихъ, когда они вошли въ кибитку, она быстро окуталась покрываломъ, отвернулась всторону и сидѣла къ нимъ спиною во все время. Невозможно болѣе этого быть *comme il faut*. Благовоспитанныя женщины на Востокѣ имѣютъ предубѣжденіе, что снѣ и все ихъ прелести, со включеніемъ глазъ и губокъ, принадлежать рѣшительно однимъ только ихъ мужьямъ, и та, которая показала бы лицо чужому мужчине или завела съ нимъ разговоръ, почла бы себя обезчещенною во мнѣніи всего женскаго міра. Непокколебимая скромность супруги Якши-Махмеда много поперечила любопытству нашего ученаго естествоиспытателя, который очень радъ бы былъ из-

следовать подробнѣ эту млекопитающую плотоядную. Она была одѣта какъ всѣ прочія женщины, только немного богаче. На головѣ у ней торчала пребоольшая туркменская шапка изъ красной шелковой ткани, украшенная спереди нѣсколькими нитками круглыхъ золотыхъ бляшекъ, а по сторонамъ множествомъ татарскихъ серебряныхъ монетъ на такихъ же цѣпочкахъ. Въ этой торжественной шапкѣ было вѣрно съ полбуда, — тяжкая корона для женской головы! По-крайней-мѣрѣ супруга Г. Эйхвальда не выдержала на своей головѣ этого туркменскаго чекчика ни одной минуты. Туркменки сидятъ въ нихъ безъ движенія, не опуская головы. Онѣ безпрестанно поправляютъ свою черную кесу, стыдятся показать ее. На концѣ косы виситъ у нихъ толстая серебряная бляха, почти въ видѣ сердца, длиною и шириною въ одинъ футъ. Чѣмъ она больше и тяжеле, тѣмъ моднѣе: тутъ вѣрно нѣсколько фунтовъ вѣсу, не считая длинныхъ серебряныхъ цѣпочекъ, которыя къ ней прикрѣплены и между которыми утверждены еще круглыя, довольно большіе, агаты. Одному Аллаху извѣстно, сколько пудовъ украшеній можетъ эфирная дамская головка держать на себѣ, какъ скоро эти украшенія освящены водою! Вечеромъ собралось въ кибиткѣ многочисленное общество Туркменцевъ. Пѣвецъ изъ Асграбада игралъ на дву-струнной балалайкѣ и пѣлъ персидскія пѣсни. Кибитка, освѣщенная нефтяной лампой, болѣе и болѣе наполнялась гостями. Трубадуръ то подымалъ свой чистый голосъ до удивительной высоты, то изливалъ его въ самыхъ низкихъ звукахъ, и такъ долго не переводилъ духу, что страшно было, чтобы онъ не задохнулся; потомъ вдругъ возвышалъ его съ такою силою, что нельзя было надивиться его пѣнью и удержаться отъ смѣху надъ его уморительными тѣлодвиженіями.

Нефтяныхъ копей на островѣ множество, только нефть здѣсь совсѣмъ не такъ чиста какъ въ Баку. Она по бѣльшей части смѣшана съ пескомъ и при горѣніи издаетъ гораздо сильнѣйшій запахъ. Ея особенно много въ песчаныхъ буграхъ. Разрывъ ихъ до нѣкоторой глубины, всегда находятъ нефть въ бѣльшемъ или меньшемъ изобиліи. На холмистомъ берегу считается до тысячи нефтяныхъ копей. Около нихъ лежитъ множество известковыхъ глыбъ, рѣдко съ окаменѣ-

лостями. Кажется, онѣ принесены сюда съ восточнаго берега, потому что нигдѣ не видно мѣста ихъ рожденія. Соли наиболѣе получается на восточномъ краю острова, изъ многочисленныхъ соляныхъ озеръ, подобныхъ бакинскимъ. Она садится на дно довольно прозрачными слоями въ футъ толщиною, и состоитъ изъ плотно сложенныхъ кристалловъ, которые образуютъ совершенно твердую массу каменной соли. Ее ломаютъ или добываютъ какъ въ Баку. Судя по множеству нефтяныхъ копей и по нѣсколькимъ горячимъ ключамъ, должно полагать, что и эта соль, подобно каменной, обязана своимъ происхожденіемъ вулканическому процессу.

Когда корветъ приблизился къ Серебряному Бугру, *Кулишъ-текей*, его окружили тамошніе Туркменцы въ нѣсколькихъ кырджимахъ; другіе явились въ куласахъ, длинныхъ и узкихъ лодкахъ изъ одного бревна. Они привезли съ собою въ подарокъ арбузовъ и дынь, надѣясь получить что-нибудь получше въ замѣнъ. Въ прежнее время, особенно въ средніе вѣки, эта часть берега была гораздо болѣе посѣщаема. Тутъ процвѣтала тогда знаменитый у Арабовъ Абостанъ. Длинная стѣна простиралась въ самое море, и донынѣ видно прогалавшееся зданіе, подобнае бакинскому каравансераю, и можетъ-быть также разрушенное землетрясеніемъ. Прежде находили здѣсь множество серебряныхъ и золотыхъ монетъ, которыя доказываютъ процвѣтаніе тогдашней торговли. У этой части восточнаго берега море всюду обмелѣло, такъ, что корветъ не могъ даже войти въ Астрабадскій Заливъ, а долженъ былъ бросить якорь недалеко отъ Полуострова Потемкина, къ которому также не могъ приблизиться: нигдѣ не было болѣе осьми футовъ глубины, тогда какъ лѣтъ за десять она доходила еще до пятнадцати.

Опасаясь и хищности астрабадскихъ Туркменцевъ, и того что позднее время года не дозволить посттить прекраснаго, плодоноснаго Мазендерана, Г. Эйхвальдъ обозрѣлъ только ближайшій восточный берегъ и островъ Орестъ, гдѣ нашель онъ самую пышную растительность и нѣсколько чудесныхъ раковинъ, какихъ дотолѣ не встрѣчалъ въ Каспійскомъ Морѣ.

Послѣ тщетныхъ покушеній войти въ Астрабадскій Заливъ путешественники отправились къ устью Бобуля, обыкновенному якорному мѣсту русскихъ купцевъ въ Мазендеранъ. Черезъ нѣсколько дней, то есть, 11 октября, бросили они якорь въ двухъ съ половиной верстахъ отъ берега на глубинѣ десяти сажень. Купеческія суда станвятся полу-верстою ближе. Г. Эйхвальдъ съѣхалъ на берегъ, взявъ съ собою, по обыкновенію, нѣсколько вооруженныхъ матросовъ, но вскорѣ увидѣлъ, что въ нихъ нѣтъ здѣсь надобности. Персіане въ Месджедсеръ, — такъ называется этотъ рейдъ, — привыкли видѣть у себя Русскихъ, и ежегодно бываетъ здѣсь много нашихъ судовъ съ разными товарами.

Берегъ вездѣ очень плодоносенъ и богатъ живописными видами. Гранатовыя и лимонныя деревья, перемѣшанные яворами, дубами и ольхами, даютъ самую пріятную тѣнь; по всего обильнѣе растетъ виноградъ, такъ, что на крупныя его гроздья почти не обращаютъ вниманія. Большая часть лозъ очень высоки и имѣютъ около фута въ окружности; многочисленныя ихъ вѣтви перебѣгаютъ отъ одного дерева къ другому и заслоняютъ путь. Съ трудомъ можно было пробраться къ рѣкѣ, при которой множество хлопчато-бумажныхъ и сахарныхъ плантацій. Въ садахъ разводятъ крупныя дыни, арбузы, тыквы и огурцы, самыхъ разнообразныхъ видовъ. Особенно примѣчательны лимонныя деревья: ихъ плодъ, впрочемъ одинаковій съ обыкновеннымъ лимономъ, совершенно сладокъ. Айвы и патавіи представляютъ весьма странные, южныя, виды. Плоды первыхъ грушеобразны, но очень тверды, толсты и неуклюжи, а патавій кислы и внутри похожи на лимонъ. Еще одинъ плодъ, называемый *мино*, бываетъ величиной почти съ дѣтскую голову; но дерево, на которомъ онъ растетъ, листомъ похоже на патавію. Какая обильная жатва для помолога!

Правый берегъ Бобуля образуетъ косу, усыпанную песчаными холмами. Между ними виднѣетъ сѣ старая мечеть съ башнею и прекраснымъ садомъ, гдѣ, по народному повѣрью, погребенъ одинъ изъ двѣнадцати имамовъ, потомковъ Алія, и оттого ходятъ сюда на богомолье. Персіане не пускаютъ въ мечеть, не только христіанъ, но и единовѣрцевъ своихъ изъ Баку. Они не позволяютъ даже смотрѣть долго на гробъ

ницу, потому что одинъ взглядъ невѣрнаго можетъ оскорбить ея святиню. Вообще христіане здѣсь въ большой ненависти. Профессоръ Эйхвальдъ остановился взглянуть на одну старуху, которая готовилась сажать въ печь рисовыя булки на открытомъ воздухѣ: тотчасъ созвала она толпу мальчишекъ, подняла вмѣстѣ съ ними страшный крикъ, и не переставала вопить до тѣхъ поръ, пока онъ не удался. Персіяне никогда не давали пить нашимъ матросамъ изъ судовъ, которые сами употребляютъ: они наливали имъ воды или въ горсть или въ фуражку.

За нѣсколько дней русская расшива выгрузила здѣсь свой товаръ, состоявшій по большей части изъ сундуковъ, кованыхъ желѣзомъ и пестро раскрашенныхъ, самой грубой работы. Они вкладывались одинъ въ другой, и такимъ образомъ требовали меньше мѣста на суднѣ. Эти сундуки продаются очень дорого и служатъ яснымъ доказательствомъ лѣности Персіянь, которые могли бы дѣлать ихъ гораздо лучше изъ прекрасно растущаго здѣсь кипариснаго дерева. Тутъ же на берегу лежали полосное желѣзо, чугунные горшки и другіе желѣзные товары; далѣе множество шкуръ, хотя у Персіянь столько коровъ и барановъ, что имъ довольно было бы и стечественной кожи.

Г. Эйхвальдъ отправился въ Бальфрушъ, одинъ изъ главныхъ городовъ Мазендерана, въ сопровожденіи знатнаго Персіянина, Хаджи-Ибрагима-Гусейна. Они ѣхали верхомъ на наемныхъ лошадяхъ, которыхъ хозяева бѣжали за ними и тотчасъ хватились за поведья, какъ скоро путешественники дозволяли себѣ странствовать скорѣе. Дорога шла черезъ плодоносныя луга и прекраснѣйшія рощи. Передъ городомъ окружили ихъ толпы мальчишекъ и привѣтствовали бранью и комьями грязи, отъ которыхъ особенно пострадали матросы. Тутъ присанились и хозяева лошадей; они пошли передъ всадниками, чтобы тѣ ѣхали не иначе какъ шагомъ, и запрещали имъ погонять, даже грозили имъ, если они осмѣлятся это дѣлать.

Путешественники явились прямо къ хану Али-Экберъ-Башоги. Онъ сначала принялъ ихъ очень дружелюбно, и даже пригласилъ къ себѣ прочихъ гостей, оставшихся на корветѣ. Но когда всѣ собрались къ нему, его персидское

пересодительство былъ совсѣмъ не такъ ласковъ. Е. 0410369320
030401010330
зналъ, что въ числѣ посѣтителей находится командиръ кор-
вета, онъ началъ приставать къ нему, чтобъ матросы наши
вытаскали изъ моря большой грузъ листоваго желѣза и мѣди,
потонувшій за нѣсколько лѣтъ. Капитанъ долженъ былъ отка-
зать ему за недостаткомъ времени, а ханъ съ своей стороны
отступился отъ обѣщанія, даннаго наканунѣ Г. Эйхвальду,
снабдить его вожатыми до Эшрефа, гдѣ ученый профессоръ
хотѣлъ осмотрѣть горный хребетъ.

Путешественники постыли базаръ, состоящій изъ мно-
жества каравансераевъ, въ которыхъ продаются прекраснѣй-
шіе персидскіе товары и, между прочимъ, ледъ, привози-
мый съ Демавенда, вѣчнаго горнаго ледника, на два дня пу-
ти отъ города. Близъ Бальфуруша есть довольно ветхій шах-
скій дворецъ. Въ самомъ городѣ — до шести тысячъ домовъ и
около семидесяти тысячъ жителей; въ томъ числѣ много Ар-
мянъ и Индѣйцевъ. Путешественники почевали у хана. Къ
ужину подали имъ пилавъ съ корнякою и ягнятиной и нѣ-
сколько жареныхъ цыплятъ. Персидскій лакей, поставивъ
эти кушанья передъ Г. Эйхвальдомъ, хотѣлъ-было разорвать
жаркое на части своими грязными пальцами, но профессоръ
не допустилъ его до этой вѣжливости. Самъ ханъ изволилъ
собственноручно бросить какой-то кусокъ въ ротъ одному
изъ своихъ офицеровъ, и тотъ чувствительно былъ благода-
ренъ за этотъ знакъ особеннаго благоволенія. На другое
утро путешественники были приглашены Хаджи-Ибрагимъ,
который употребилъ всевозможныя средства, чтобъ
угостить ихъ мерзкимъ чаемъ изъ стараго, изломаннаго, са-
мовара.

Здѣшніе Персіяне, отъ сидячей жизни, все почти стра-
даютъ нпохондріей, и корабельному медику нашлось много
дѣла въ Бальфурушѣ. Хаджи-Ибрагимъ тоже совѣтывался съ
нимъ насчетъ своей жены, однако не хотѣлъ показать ея.
Она должна была выйти въ садъ, а эскулапъ, стоя за заборъ,
щупалъ ей пульсъ сквозь калитку, и, основываясь на
этомъ испытаніи, долженъ былъ прописать лекарство.

Въ отсутствіе Г. Эйхвальда пріѣзжалъ на корветъ секре-
тарь шахъ задѣ (царевича) Сарійскаго, одного изъ сыновей
псковянаго шаха Фетхъ-Али. Онъ тоже просилъ достать изъ

моря потонувшій грузъ листовою мѣди; но, узнавъ, что на кораблѣ есть европейская дама, секретарь забылъ мѣдь и просилъ дозволенія ее видѣть. Онъ долго разговаривалъ съ госпожею Эйхвальдъ черезъ толмача, и наконецъ объявилъ, что она — *хейли хубъ*, очень пріятной наружности, только жаль, что блондинка: этотъ цвѣтъ волосъ совершенно портитъ ея лицо, и, по его мнѣнію, она была бы несравненно лучше, если бь рѣшилась придать имъ цвѣтъ красный или оранжевый. Въ знакъ особеннаго расположенія, онъ хотѣлъ подарить ей прекрасное кольцо изъ бирюзы; но госпожа Эйхвальдъ отвѣчала, что въ Европѣ дамы не принимаютъ подарковъ отъ незнакомыхъ мужчинъ, и въ особенности колець. Отказъ этотъ очень его озадачилъ, и онъ увѣрялъ, что пощечина была бы для него несравненно пріятнѣе. Госпожа Эйхвальдъ вынуждена была взять кольцо, но тотчасъ прискакала подаркомъ для Персіянина. Онъ принялъ его съ величайшею готовностію и сказалъ — «Она женщина, но умна!» Дѣло въ томъ, что, не читавши Алкорана, госпожа Эйхвальдъ угадала правило восточной вѣжливости, ко торая предписываетъ — за подарокъ непременно представлять подарокъ; но мы находимъ, что прекрасная путешественница несправедливо обидѣла почтеннаго секретаря, не принявъ его кольца съ перваго слова. Между Восточными, подарки означаютъ уваженіе, дружбу, учтивость, знаніе приличій: это — необходимое условіе всякихъ взаимныхъ сношеній, дотого, что, по физической невозможности дарить безпреставно другъ друга, Аравитяне, Персіяне и Турки прибѣгаютъ къ подаркамъ метафорическимъ и совершенно умозрительнымъ. При всякомъ письмѣ, которое пишется къ знакомому или незнакомому лицу, собственно слѣдовало бы послать тутъ же какой-нибудь красивый и драгоценный подарокъ; но для сокращенія расходовъ на подобныя доказательства дружескихъ чувствованій придуманы тамъ очень дешевыя средства щедрости. Вы начинаете письмо: «Милостивый государь, Ибрагимъ-Ага! Представляя вамъ двѣ «нитки отборнѣйшихъ жемчужинъ пріязни и горсть рубиновъ пріветствій, имѣю честь увѣдомить, что,» и прочая; а вашъ корреспондентъ отвѣчаетъ вамъ: «Милостивый государь, Гусейнъ-бей! Позвольте же представить вамъ вза-

«импо алмазное ожерелье моея преданности и цѣлый четве-
«рикъ бюрюзь нижайшихъ поклоновъ ; а за тѣмъ имѣю честь
«отвѣтствовать на ваше безцѣнное посланіе, что я,» и прочая.

При надлежащей обработкѣ, Мазендеранъ могъ бы да-
вать большіе доходы : онъ производилъ бы всѣ благородныя
плоды. Но Персіяне ничего не смыслятъ въ земледѣліи, и
даже обращаютъ очень мало вниманія на выделку шелку,
хлопчатой бумаги и сахару. Доселѣ пригоовляется только
противно-сладкій желтый лумпъ, которому лучшая выдѣлка
доставила бы надлежащую доброту. Кромѣ-того, можно
было бы разводить индего, кассію и галбанъ.

Въ половинѣ октября корветъ пошелъ въ Гилянъ и взялъ на-
правление къ Зинзели (Энзели), откуда Г. Эйхвальду хотѣлось
съѣздить въ Рештъ для обозрѣнія тамошней горной цѣпи.
Несмотря на дурной пріемъ, который Персіяне сдѣлали
толмачу его, посланному наканунѣ для развѣданія, рано ут-
ромъ авторъ самъ отправился на берегъ. Видъ залива пре-
красенъ ; вездѣ зеленѣютъ рощицы ; даже на островахъ,
возвышающихся песчаными холмами ; растутъ большія де-
ревья. Въ заливѣ кромѣ астраханскихъ судовъ стояло мно-
жество бакинскихъ лодокъ, персидскихъ сандаловъ и мелкихъ
кырджимовъ. Оттого гавань была очень оживлена. Вдали
возвышаются горы, и отлично украшаютъ этотъ ландшафтъ.
Домы кажутся маленькими хижинами, и выстроены по бѣль-
шей части изъ тростника, глины и дерева. Когда путеше-
ственникъ сталъ приближаться къ берегу, ему закричали от-
туда, чтобъ онъ этого не дѣлалъ. Потомъ, выступилъ къ не-
му на встрѣчу персидскій кырджимъ, и одинъ изъ бывшихъ
въ немъ Персіянъ привѣтствовалъ его отъ имени хана ги-
лянскаго, но вмѣстѣ изъявлялъ сожалѣніе, что безъ воли та-
мошняго шахъ-задѣ, — малолѣтнаго сына шахова, правившаго
въ Рештъ, — нельзя допустить его на берегъ. Напрасно Г.
Эйхвальдъ объяснялъ цѣль своего путешествія и увѣрялъ,
что самъ шахъ дозволилъ ему, черезъ русскаго министра
при тегеранскомъ дворѣ, развѣзжать по всѣмъ областямъ.
Персіяннинъ стоялъ на томъ, чтобъ прежде послать нароч-
наго въ Рештъ за разрѣшеніемъ его высочества. Невозмож-
но было долго оставаться на опасномъ рейдѣ, и путешест-
венникъ рѣшился на обратный путь въ Баку. Ему не уда-

лось даже постыть устье Кура: низменность берега такова, что входъ въ рѣку едва доступенъ для катера.

Въ Баку провелъ онъ зиму. Самая сильная стужа простиралась отъ семи до осьми съ половиною градусовъ Реомюра. Дрова привозятся сюда за весьма дорогую цѣну изъ Ленкорана и продаются полѣньями, почти на вѣсъ, какъ въ Тергеранѣ.

У Персіянъ не много большихъ праздниковъ въ году, а между-тѣмъ все время проходить у нихъ въ бездѣль. Къ числу настоящихъ праздниковъ, не предписанныхъ однако жъ Кораномъ, принадлежитъ ихъ новый годъ, *несу-рузъ*, который бываетъ въ весеннее равенство. Свадебные обряды въ Баку такіе же какъ въ Дербендѣ, но странны ихъ срочные браки на нѣсколько мѣсяцевъ или лѣтъ, которые однако жъ не влекутъ за собой ни какого неудобства. Татарскій діалектъ въ Баку содержитъ въ себѣ много чуждыхъ выраженій, неизвѣстныхъ въ Турци, однако жъ Турки понимаютъ нарѣчіе, которымъ говорятъ здѣсь, въ Дербендѣ, во всемъ Ширванѣ, и даже въ Талышѣ. Кромѣ-того, въ Баку и Ширванѣ есть еще простонародное нарѣчіе персидскаго языка, называемое *татъ*. Особенно говорятъ имъ женщины, а у нихъ перенимаютъ и дѣти. Гилянскій діалектъ персидскій составляетъ переходъ отъ тата къ настоящему языку персидскому. Г. Эйхвальдъ удостоверялся въ этомъ изъ сравненія разныхъ словарей.

Извѣстно, что Персіяне вообще очень обходительны. Никогда они не откажутъ вамъ прямо, но рѣдко и сдержатъ обѣщаніе, хотя каждый вызывается служить чѣмъ угодно. Вѣжливый хозяинъ Г. Эйхвальда тотчасъ подарилъ ему свой домъ и все, что въ немъ было, прося, чтобъ онъ распорядился въ немъ какъ полный властелинъ, какъ единственный обладатель. Часто дѣлали въ Персіи такіе подарки Г. Эйхвальду; но едва онъ, не зная, что это только метафора, прикасался къ какой-нибудь домашней утвари, утонченнымъ жителямъ юга казалось это гиперборейскою грубостью, и онъ скоро разочаровывался въ своихъ надеждахъ.

На почтовыхъ станціяхъ областей, лежащихъ на западномъ берегу Каспійскаго Моря, вы найдете только верховыхъ лошадей, содержимыхъ Татарами шитской секты и Армяна-

ми, которые извѣстны подъ именемъ *чапаровъ*, или *курбуровъ*. Смотря по надобности, вамъ дають въ прикрытіе одного или нѣсколькихъ Казаковъ.

Уже съ самыхъ первыхъ чиселъ марта 1826 года, могъ Г. Эйхвальдъ начать свои поѣздки и прогулки въ окрестностяхъ Баку. Прежде всего посѣтилъ онъ деревню Эмиргаджанъ, гдѣ дѣлаются прекрасные бакинскіе ковры. Дорогою онъ замѣтилъ, какъ много занимаются здѣсь разведеніемъ шафрану; потомъ осмотрѣлъ значительнѣйшія нефтяныя копи и соляныя озера. Озеро Зыхъ было тогда съ версту длиною, но не широко; дно его состоитъ изъ илу съ остатками раковинъ; въ лѣтніе жары оно высыхаетъ до такой степени, что вода рабочимъ не выше колѣна, но, въ дождливыя или многоснѣжные годы, ея болѣе, и тогда работать гораздо труднѣе. Соль ломають топорами и лопатами. Она садится на днѣ слоемъ дюйма въ три толщиною; цвѣтомъ она грязно-бѣлая, рѣдко красноватая, на вкусъ отнюдь не горька. Плотны слежавшіеся кристаллы образуютъ твердую массу, часто покрытую бѣлоснѣжной корою.

Седьмого марта Г. Эйхвальдъ пустился верхомъ въ Сальянъ посмотреть большую рыбную ловлю, которая тамъ только-что началась. На всемъ этомъ берегу замѣтна ровная глинистая почва, набросанная, кажется, дѣятельными когда-то вулканами грязи. Иногда попадаются и глиняныя горы въ нѣсколько сажень вышиною, и стоятъ утесами одна подле другой, оставляя въ промежуткахъ обширныя долины. Въ глину нѣредко попадаетея кристалловидный гипсъ плоскими плитами; лошади разбивають его, и оттого вся дорога какъ-будто покрыта снѣгомъ. Далѣе обширныя глинистыя степи оцѣпываются высокими глинистыми горами; ивдѣ встрѣчаешъ безобразныя массы раковистаго известняка, которыя кажутся Г. Эйхвальду прищельцами. Въ рѣкѣ Пирсагатъ не было тогда воды. Она показывается только весною и такъ высока, что тогда неудобно переѣзжать ее въ бродъ. Лѣтомъ вода не доходитъ досель, потому что въ Ширванской Области отводятъ ее для поливки шелковичныхъ плантацій. Дорогою Г. Эйхвальдъ повстрѣчалъ въ шамаханскихъ горахъ нѣсколько персидскихъ семей, которыя кочевали здѣсь въ кибиткахъ съ своими стадами. Не доѣзжая береговъ Кура,

видѣль онъ тору, которую сальянскіе Татары называютъ *Исты-су*, то есть «Теплая вода», потому что изъ подошвы ея бьетъ теплый соляной ключъ, однако жъ безъ всякой примѣси стрно-водороднаго газа. Это указываетъ и здѣсь на процессъ подземнаго разгоряченія.

На ватагъ Божій Промыслъ радушно принялъ Эйхвальда Индѣецъ Отумджень, который взялъ на откупъ за двадцать одну тысячу червонцевъ рыбныя ловли на пять сотъ верстъ вверхъ по Куру, до самаго Елисаветноля. Ни одинъ изъ прежнихъ откупщиковъ не платилъ такъ много, и при всемъ томъ, говорятъ, онъ получаетъ большой барышъ, если погода благопріятна, и если во время трудной перевозки въ Астрахань лѣтніе жары не испортятъ значительной части груза. Кроме ежегодной платы за откупъ, Индѣецъ долженъ вносить большую сумму за разныя постройки, сдѣланныя на рыбныхъ ловляхъ по устьямъ Кура. Принадлежности одной этой ватаги стоятъ ему двадцать пять тысячъ рублей ассигнаціями; въ ней работаетъ до пяти сотъ человекъ изъ Астрахани и Мангишлака, не говоря о разныхъ ремесленникахъ, бочарахъ, кузнецахъ, и такъ далѣе. Все это можетъ дать нѣкоторое понятіе о обширности сальянскаго промысла. Съ октября или ноября до февраля мѣсяца производится въ Сальянѣ ловля шамаевъ и лососей, которыхъ въ эту пору бываетъ очень много. Первыхъ ловится до 250,000, послѣднихъ до 100,000 штукъ. Ихъ сушатъ, коптятъ, и рассылаютъ во все стороны. Въ мартѣ появляется сперва бѣлуга стадами; потомъ идутъ вверхъ по Куру шипы и осетры. Часто втеченіи немногихъ недѣль ловится ихъ около 30,000. Наконецъ слѣдуетъ севрюга еще въ большемъ количествѣ, такъ, что за годъ до прибытія туда нашего путешественника поймано ея 50,000 штукъ. Рыбный промыселъ на Курѣ началъ затихать съ тѣхъ поръ, какъ большая мель въ устьѣ рѣки прибываетъ къ сѣверо-востоку; потому и хороній ловъ всегда зависитъ отъ сѣверо-восточнаго вѣтру. При этомъ вѣтрѣ набираютъ въ день 15,000 штукъ, но безъ него рѣдко удается взять и тысячу. Всѣхъ невыгоднѣе западный вѣтеръ, который продолжался въ пребываніе Г. Эйхвальда на ватагъ: тутъ ловили отъ двухъ сотъ до трехъ сотъ рыбъ въ день, не болѣе. Желающіе хорошо ознакомиться съ подробностями рыбныхъ

промысловъ, приготовленія рыбьяго клею, икры, и такъ дѣлать, должны обратиться къ любопытному сочиненію Г. Эйхвальда. Мы между-тѣмъ последуемъ за нимъ въ Тифлисъ.

Дорога изъ Баку сперва идетъ шафранными полями, потомъ низкимъ горнымъ хребтомъ изъ третичной извести съ окаменѣлой ракушкой, который окружаетъ Апшеронскую Косу высокимъ валомъ. Далѣе простирается глинистая почва, нерѣдко поднимающаяся значительными холмами. Близъ казацкаго поста Глубокая Балка находится жирная, бѣлая, глина, употребляемая тамошними жителями вмѣсто мыла для стирки. Передъ Старой Шамахой должно было переправляться черезъ рѣку Пирсагагъ, которая была тогда очень быстра.

При въѣздѣ въ этотъ городъ, васъ изумляютъ прекрасныя каменные зданія и обширныя площади, которыя окружены цѣлымъ рядомъ новыхъ лавокъ. Къ числу самыхъ большихъ строеній принадлежатъ до двухъ сотъ шелковыхъ фабрикъ. Старая Шамаха была прежде значительнымъ городомъ, но много потерпѣла отъ безпрестанныхъ войнъ и смятеній. Мустафа-Ханъ, сначала преданный русскому правительству, выстроилъ Новую Шамаху и Феттахъ въ горахъ; потомъ онъ оставилъ и это мѣсто пребыванія, и удалился въ Персію. Мустафа всегда находился въ тайныхъ сношеніяхъ съ Персіянами; онъ даже возстановлялъ Лезгиновъ противъ Россіи; принималъ въ защиту нашихъ перебѣжчиковъ, и замыслилъ уже общее возстаніе, когда заговоръ открылся и онъ долженъ былъ спастись бѣгствомъ.

Ширванская Область принадлежитъ къ самымъ плодоснымъ на Кавказѣ. Есть округъ на Куръ, гдѣ почва даетъ сто пятьдесятъ зернъ, а застѣвается только разъ въ три года. Весь этотъ край, верстъ въ двѣсти длиной и шириною, по самому мѣстоположенію весьма удобенъ для шелководства и винодѣлія: первымъ занимаются въ долинахъ, вторымъ на горахъ, и вина собирается такъ много, что трудно исчислить. Шелку вывозятъ до 6,000 пудовъ ежегодно. Въ нѣкоторыхъ деревняхъ говорятъ еще нарѣчіемъ *тагъ*, вѣроятно бывшимъ въ употребленіи и у небольшого племени Падларъ, которое, по словамъ Олеарія, жило въ деревнѣ Морду и говорило азыкомъ, похожимъ вмѣстѣ на турецкій и персидскій.

Не происходит ли имя этой деревни отъ Мордвиновъ, которыхъ переселили сюда лѣтъ за сто изъ южной Россіи для обработыванія земли? И теперь еще есть въ Ширвани двѣ деревни Паддаръ, и близъ одной изъ нихъ, въ селѣ Ниджъ, обитаетъ христіанскій народецъ Емуди, у котораго, говорятъ, свой собственный языкъ, несходный ни съ армянскимъ, ни съ грузинскимъ, ни съ персидскимъ. Вѣроятно эти Емуди одинъ народъ съ шекинскими Уди, которые прежде тоже исповѣдывали христіанскій законъ и оттого платили тогдашнему хану особую подать шелкомъ, — такъ называемый «шелкъ вѣры», — подать тягостную, которая имѣла цѣлю искоренить между ними христіанство. Люди, самые зажиточные, скоро приходили отъ нея въ бѣдность, и наконецъ, будучи не въ силахъ давать по двадцати фунтовъ шелку съ семьи, поневолеъ обращались въ исламизмъ. Эти Уди и Емуди не принадлежать ли также къ мордовскому племени и не составляютъ ли такимъ образомъ послѣдняго остатка Финновъ въ здѣшнемъ краѣ? Столько молодыхъ Русскихъ, получившихъ отличное образованіе, проводятъ по нѣскольку лѣтъ въ разныхъ областяхъ Кавказскаго Края, и не знаютъ, чѣмъ избавиться отъ скуки и какое придумать себѣ занятіе! Вотъ имъ прекрасное и самое благородное занятіе — изучать языки тамошнихъ племенъ, составлять небольшіе словари этихъ неизвѣстныхъ нарѣчій, наблюдать ихъ грамматическій духъ, стараться даже, если можно, получить образчики сочиненій, писанныхъ простонароднымъ слогомъ. Каждый такой трудъ принесетъ навѣрное честь молодому изслѣдователю и пользу наукамъ. Желательно даже, чтобы подобныя изысканія были писаны на французскомъ языкѣ и отправляемы въ Императорскую Академію Наукъ, которая поставитъ себѣ въ удовольствіе издать ихъ въ свѣтъ и распространить между европейскими учеными. Больно видѣть, какъ наши молодые люди, которые, во время университетскаго ученія своего, отнюдь не чужды энтузіазма къ наукамъ и почти всегда исполнены прекрасныхъ намѣреній, не умѣютъ потомъ пользоваться пребываніемъ въ разныхъ частяхъ азіатской Россіи для составленія себѣ почетнаго имени въ области, обитаемой отличнѣйшими умами образованнаго міра. Это честолюбіе, право, стоить всякаго другаго.

Густой туманъ лежалъ уже нѣсколько недѣль надъ Старой Шамахой. Наконецъ погода немного прояснилась, и Г. Эйхвальдъ могъ продолжать свое путешествіе. Въ горахъ сдѣлалась такая грязь, что впрягали по четыре пары буйволовъ въ колыску, и то едва можно было проѣхать. Растенія еще мало поднялись: цвѣли только нѣкоторыя луковичныя породы. Горные потоки начали прибывать, и часто было опасно перетѣзжать ихъ въ бродъ; но какъ мостовъ нигдѣ нѣтъ, то дѣлать нечего: въ маѣ, когда снѣгъ таетъ на горныхъ высотахъ, потоки становятся еще шире и стремительнѣй, такъ, что въ нихъ опрокидываются иногда большіе экипажи и путешественники погибають. Куръ составляетъ здѣсь границу между областями ширванскою и карабагскою. Въ последней главнѣе мѣсто — крѣпость Шуша. Карабагъ принадлежалъ сначала Арменіи, потомъ Персіи, послѣ Туркамъ, которые отняли его у персидскаго шаха Исмаила-Ссѣи. Надиръ-Шахъ снова присоединилъ его къ персидскимъ владѣніямъ; но въ 1805 году Карабагъ покорился русскому Императору.

У казацкаго поста Гурьянчай горы все болѣе приближаются къ большой дорогѣ и наконецъ образуютъ довольно глубокія лощины. Изъ рѣчки Гурьянчай проведены вездѣ каналы, и на самомъ большемъ изъ нихъ, передъ станціей, построены мостъ. По-ту-сторону Гурьянчая, впадающаго въ Куръ, Шекинская Область вовсе безводна и, несмотря на то, отъ двадцати до тридцати сель съ обширными шелковичными плантаціями лежатъ на этой полосѣ. Для орошенія сухой почвы проведено изъ рѣки болѣе тридцати каналовъ. Здѣсь вездѣ живутъ Татары, въ немногихъ селеніяхъ Армяне.

Путешественникъ переправился черезъ Куръ у казацкаго поста Мингечауръ, и достигъ до Елисаветополя, прежней Ганджи. Городъ весьма обширенъ; крѣпость — старинная, построенная еще Турками; прекрасный гостинный дворъ оконченъ недавно. Ряды выведены изъ камня и покрыты такимъ образомъ, что на верху выходитъ безподобная галерея. гдѣ лѣтомъ очень прохладно и жители находятъ утѣху отъ несносныхъ жаровъ; ремесленники могутъ здѣсь цѣлый день производить свои работы. Климатъ очень вреденъ для здоровья, такъ, что даже Татары и Армяне въ лѣтніе мѣся-

цы перетезжаютъ въ горы. Зной на улицахъ, сказывающійся въ стерпимъ: въ это время закрыты всѣ присутственныя мѣста, и чиновники отправляются въ Тифлисъ. Но жаркій климатъ Елисаветополя способствуетъ къ разведенію иноземныхъ растений. Г. Гонакеръ, обладающій множествомъ драгцѣнныхъ свѣдѣній по части естественной исторіи закавказскихъ областей, пытался водворить здѣсь даже индиго: оно цвѣло, но никогда не давало сѣмянъ, и пропало при шести градусахъ мороза. Судя по этой зимней стужѣ и холоднымъ сѣвернымъ и южнымъ вѣтрамъ, которые часто дуютъ съ Казбека и Арарата, едва ли можно надѣяться успѣха въ этомъ дѣлѣ. Совсѣмъ не то въ Талышѣ и Мезандеранѣ, или еще на берегахъ Аракса, гдѣ не замѣтно ни такого холоду, ни такихъ вѣтровъ, и жаръ бываетъ постоянный. Оттого и сахарный тростникъ родится тамъ очень хорошо. Изъ Мезандерана пересадили его въ Талышъ, и сокъ обнаруживаетъ здѣсь еще болѣе сладости чѣмъ въ Мезандеранѣ. Напротивъ, зеландская конопля удается въ нѣкоторыхъ казенныхъ плантаціяхъ какъ-нельзя лучше. Кошениль водится особенно въ Нахичеванской Области, но она не хорошаго качества. Есть ли возможности водворить здѣсь американскую породу кошенили?

Тридцатаго марта Г. Эйхвальдъ отправился въ квасцовый горный промыслъ Саглыкъ, который лежитъ верстахъ въ шестидесяти отъ города и разрабатывается съ незапамятныхъ временъ. Дорогою проѣзжалъ онъ черезъ два армянскія селенія, гдѣ множество кузнецовъ обдѣлывали желѣзо, вырытое изъ прибрежнаго песку одной рѣки. Долго онъ взбирался по утесистымъ берегамъ быстрого горнаго потока Кокчара, пока достигъ до селенія Саглыка, котораго жители занимаются добываніемъ квасцовъ. Здѣсь все еще лежало подъ глубокимъ снѣгомъ, и потому не было возможности взойти на квасцовую гору. Она вся состоитъ изъ порфириднаго квасцовика, который такъ же разнообразенъ на вѣтшней сторонѣ какъ и въ самой массѣ. Квасцовникъ обжигаютъ сперва въ большихъ печахъ, потомъ ссыпаютъ его въ длинныя ямы, выложенныя досками, и обливаютъ водой, отчего онъ постепенно растворяется. Послѣ варять его въ мѣдныхъ котлахъ и проводятъ въ ямы, гдѣ онъ остываетъ и кри-

сталлизуется. Квасцовый промысел отдается казною купъ за десять тысячъ рублей серебромъ. На возвратномъ пути Г. Эйхвальдъ посѣтилъ у подошвы здѣшнихъ горъ нѣмецкую колонію Эленендорфъ, верстахъ въ девяти отъ Елисаветополя. Дома построены изъ известняка и образуютъ весьма чистыя улицы. Колонисты по большей части изъ Виртемберга, гдѣ они прежде составляли особенную секту сепаратистовъ. Они и тамъ жили первоначально безъ всякой религіи, отвергали крещеніе, законные браки, погребеніе мертвыхъ, и такъ далѣе; брали новую жену, когда вздумалось, а прежнюю отпускали; и за эту вѣроотступную жизнь должны были оставить свое отечество, потому что каждый избѣгалъ встрѣчи съ ними. Здѣсь хотѣли они продолжать то же самое, пока гражданскій губернаторъ Грузіи Г. фонъ-деръ-Ховенъ не принялъ дѣятельныхъ мѣръ къ обращенію ихъ. Они переселились сюда на короткое время, только до *преставленія свѣта*, которое, по ученію Юнга Стиллинга, должно было послѣдовать въ 1835 году. Этотъ фанатикъ утверждалъ, что кто будетъ тогда ближе къ Іерусалиму, тому и отворятся врата небесныя. Тогчасъ по прибытіи своемъ въ Грузію послали они выборныхъ въ Іерусалимъ для собранія точнѣйшихъ свѣдѣній касательно этого важнаго событія. По приказанію шаха, посланцевъ приняли въ Персіи сначала очень хорошо, но потомъ обременили работой, что имъ очень не понравилось: жестокое обхожденіе заставило ихъ наконецъ проситься опять въ Грузію; губернаторъ ихъ не принялъ, и это отняло у нихъ единовѣрцевъ охоту слѣдовать за ними. Не менѣе строгія мѣры, принятія прѣтивъ ихъ вѣроотступничества, мало-по-малу исправили ихъ до того, что они согласились выбрать изъ среды себя духовнаго сановника, который бы читалъ имъ Библію каждое воскресенье, заключалъ браки, крестилъ дѣтей, причащалъ больныхъ. Но всего болѣе разочаровало ихъ то, что, несмотря на всѣ ихъ усилія, преставленіе свѣта рѣшительно не удалось въ 1835 году. Благодаря этому несчастному случаю и прежнимъ попеченіямъ начальства, теперь они очень дѣятельны и послушны; обрабатываютъ землю, разводятъ прекрасный скотъ, дѣлаютъ хорошій сыръ и масло, и произведенія свои вывозятъ въ Тифлисъ.

Оставивъ Елисаветполь, путешественникъ вскоре до известной башни Шамкоръ, послѣдняго остатка знаменитаго прежде города, о которомъ говорятъ Абульфеда, Истагри и Идриси. Вокругъ башни видно еще нѣсколько развалинъ. Далѣе лежитъ Красный Мостъ, котораго первоначальное построеніе приписываютъ Помпею, когда онъ преслѣдовалъ Митридата; мостъ этотъ сложенъ весь изъ жженого кирпича. Грузинскій царь Рустамъ вывелъ его заново въ семнадцатомъ столѣтіи и по своимъ концамъ учредилъ по каравансераю для отдыха путешественниковъ. Но вотъ мы уже въ виду Тифлиса.

Тифлисъ, говоритъ Г. Эйхвальдъ, сдѣлался правильнымъ городомъ только со времени генерала Ермолова. Еще въ 1820 году, отъ послѣдняго разоренія Персіянами, улицы были завалены щебнемъ: въ нѣсколько лѣтъ не только изгладились всѣ слѣды разрушенія, но построились многія прекрасныя зданія, явились обширныя площади. При царяхъ грузинскихъ, Тифлисъ бывалъ лѣтомъ совершенно пустъ; жители удалялись въ горы, и въ жалкихъ сакляхъ, или землянкахъ, не оставалось ни одной души. Кромѣ саклей было тамъ множество *дарбазовъ*, довольно странныхъ зданій, слѣпленныхъ изъ глины въ видѣ конуса, безъ оконъ, съ отверстіемъ только на верхушкѣ, куда проходитъ свѣтъ, а солнечныя лучи не проникаютъ: днемъ было въ нихъ очень свѣжо, но къ ночи они такъ нагрѣвались, что едва можно дышать. Въ апрѣлѣ жары здѣсь уже нестерпимы: къ полуночи термометръ доходитъ до 30 градусовъ въ тѣни, и понижается не прежде шести часовъ вечера; но и ночью такъ душно, что даже въ больницхъ комнатахъ нѣтъ возможности уснуть, не говоря о москитахъ, черныхъ бѣлокрылыхъ мошкахъ, которыя не даютъ вамъ покою ни на мигъ. Нельзя надивиться, какъ грузинскіе цари могли перенести свою резиденцію изъ Мцхеты въ Тифлисъ, когда воздухъ тамъ гораздо свѣжѣе. Но поводомъ къ перемѣнѣ была вѣроятно близость прекрасныхъ странныхъ ключей. Что касается до исторіи грузинской столицы, то она въ тѣсной связи съ постоянной и кровопролитной борьбою, которую это маленькое государство выдерживало болѣе полуторы тысячи лѣтъ съ могущественными сосѣдями, пока Россія не отняла наконецъ яблока раздора у Тур-

ковъ и Персіянъ. Даже основаніемъ своимъ Тифлисъ обязанъ войнѣ. Онъ раздѣляется рѣкою Куромъ на двѣ части: самый городъ лежитъ на правомъ берегу, а на лѣвомъ — большое предмѣстіе Авлабаръ. Городъ, въ собственномъ смыслѣ, опять дѣлится на двѣ половины: въ восточной видны еще слѣды древнихъ укрѣпленій. Прежде городъ былъ гораздо обширнѣе.

По гористому положенію Грузіи плодоносіе ея весьма различно; но мѣстность Тифлиса благопріятствуетъ торговому сообщенію между Европой и Азіей. Это было извѣстно уже и Грекамъ: уже въ глубокой древности одинъ изъ двухъ большихъ торговыхъ путей изъ Европы въ Индію шель черезъ Понтъ на Тифлисъ, а оттуда Куромъ въ Каспійское Море, между тѣмъ какъ другой перестѣкалъ массагетскій Араксъ, то есть, Оксусъ, или Аму-дерью, и слѣдственно Волгу. Такимъ образомъ въ рукахъ древнихъ Иверцевъ и Армянъ была важная часть торговли съ Индією. Здѣсь мы опять немного будемъ въ разногласіи съ ученымъ путешественникомъ, который, допуская древнее устье Оксуса въ Каспійское Море, отдаетъ всю эту торговлю Грузинамъ и почитаетъ ихъ Иверцами. Чтò бы ни говорили хвастливыя летописи нынѣшнихъ Грузиновъ, этотъ народъ не имѣетъ ничего общаго съ древними туземцами Грузіи. Они пришлецы, и пришлецы недавніе, и были прежде однимъ изъ горскихъ племенъ Кавказа, какъ нынче Лезгины. Мы скорѣе согласимся, что грузинскіе мусульмане могутъ быть потомками Иверцевъ. По положительному свидѣтельству арабскихъ писателей, въ седьмомъ вѣкѣ коренные жители Иверіи, которые уже были христіанами подобно другимъ кавказскимъ народамъ, добровольно поддались Аравитянамъ и въ послѣдствіи обратились все въ мусульманскую вѣру. Одинъ изъ этихъ писателей сохранилъ даже въ своемъ текстѣ копию опасной грамматы, пожалованной иверскому народу Хабибомъ, сыномъ Сельмы, полководцемъ Омара: мы сожалѣемъ, что недостатокъ мѣста не позволяетъ намъ ея выписать. Мусульмане одни владели нынѣшнею Грузією до второй половины двѣнадцатаго столѣтія. «Тогда, говоритъ Якутъ, именно въ 525 году гиджры, явилось изъ горъ, смежныхъ съ Тифлисомъ, поколѣніе (*джели*), исповѣдующее христіанскую вѣру

и которое зовутъ Грузинами (*Гурджъ*).» Горцы эти нача-
ли разорять набѣгами и грабить земли мусульманскихъ об-
ладателей Грузіи, которой эмиры, изъ рода Сельджуковъ,
заняты были внутренними раздорами; они постепенно успи-
лись, и наконецъ, послѣ кратковременной осады, взяли
Тифлисъ, гдѣ перерѣзали большую часть мусульманъ. Остат-
ки побѣжденных во всемъ краѣ обращены были въ райевъ
и обложены поголовною податью. Съ того только времени
Грузины поселились въ Грузіи. Столь положительныхъ по-
казаній свидѣтелей образованныхъ и почти современныхъ
нельзя опровергнуть баснями грузинскихъ летописцевъ, ко-
торые своему народу стараются придать классическую древ-
ность. Какъ бы то ни было, Тифлисъ — важный пунктъ для
торговли, хотя мы не вѣримъ, чтобы караванныя сообщенія
Индіи съ Европой могли когда-либо производиться черезъ
Грузію съ успѣхомъ среди такого множества мелкихъ, хищ-
ныхъ племенъ. Посредствомъ Чернаго Моря, какъ замѣчаетъ
Г. Эйхвальдъ, Тифлисъ имѣетъ сообщеніе съ мало-азійскимъ
берегомъ и Константинополемъ, съ Крымомъ и Одессою,
слѣдственно со всею южной Россіей. Недавно учрежденные
здѣсь пароходы должны чрезвычайно ускорить и оживить
сношенія. По Дунаю тифлискіе товары могутъ идти въ Ав-
стрію, а отгуда и дальше. Изъ Константинополя переходятъ
они въ Средиземное Море, въ Грецію, Италію, Францію и
Англію; изъ Одессы въ Лейпцигъ и остальную Германію.
По Каспійскому Морю товары отправляются въ Персію,
Гилянъ, Мазендеранъ, Астрабадъ, въ Балханскій Заливъ,
Хиву, Бухару и Тибетъ; наконецъ, обратно, въ Астрахань,
по Волгѣ, въ Москву и во внутренность Россіи. И здѣсь у-
строены теперь пароходы, которые изъ Баку въ Астрахань
плаваютъ весьма удобно въ шесть дней. Большая выгода для
обширнаго торгу на обѣихъ моряхъ — то обстоятельство, что
здѣсь можетъ развѣваться одинъ русскій флагъ, и потому
нѣтъ опасности отъ совмѣстничества чужой державы. На
Кавказѣ товары развозятся теперь не только сухимъ путемъ,
но и водсю. Еще во времена Грековъ производился здѣсь
по Куру и Ріону значительный торгъ. Его легко бы восста-
новить, если бѣ только любовь къ промышленности возникла
между тамошними жителями. Хотя въ прошломъ столѣтіи

торговля прекратилась отъ непрестанныхъ войнъ съ мусульманами, однако еще не совсѣмъ, и недавнее возстановленіе связей съ Европою подъ русскимъ владычествомъ подаетъ весьма выгодную надежду на будущность Тифлиса, какъ главнаго складочнаго мѣста на Востокъ.

Судя по древнимъ остаткамъ зодчества, напримѣръ церквей, мостовъ, крѣпостей, должно заключать, что нѣкогда процвѣтали въ Грузіи искусства. Съ тѣхъ самыхъ поръ какъ она поддалась Россіи, воспитаніе юношества привлекло на себя отеческую заботливость правительства. Г. Ковалинскій, первый гражданскій губернаторъ этого края, основалъ въ 1802 году училище въ Тифлисѣ. Въ 1804 году оно замѣнилось благороднымъ пансіономъ, которому вскорѣ даны были права гимназій, но вмѣстѣ допущены и нѣкоторыя перемены, смотря по потребностямъ туземнаго образованія. Латинскій и нѣмецкій языки замѣнены преподаваніемъ татарскаго, который здѣсь въ гораздо большемъ употребленіи: къ этому присоединились многія отрасли военныхъ знаній, очевидно полезныя для грузинскаго юношества, которое большею частію готовится на службу въ отдѣльный кавказскій корпусъ. Только въ 1829 году изданъ для этихъ отдаленныхъ провинцій новый учебный уставъ, по которому въ Тифлисѣ оставлена гимназія, а въ прочихъ округахъ и соединенныхъ съ ними областяхъ учреждено двадцать училищъ. Для горскихъ заложниковъ есть также въ Тифлисѣ школа, гдѣ въ 1828 году было тридцать два ученика магометанской вѣры, которые обучались своему закону, ариметикѣ, русскому и татарскому языкамъ. Она учреждена въ 1827 году, къ сожалѣнію слишкомъ рано умершимъ военнымъ губернаторомъ, генераль-адъютантомъ Сивягинымъ: основатель ея надѣялся, что образованные сыновья лучшихъ горскихъ фамилій, возвратясь на родину, просвѣтятъ когда-нибудь своихъ земляковъ. Грузинское дворянство печется теперь о воспитаніи дѣтей и дозволяетъ своимъ семействамъ бывать въ обществахъ и публичныхъ собраніяхъ, что прежде было неслыхано, потому что женщины запирались какъ на Востокѣ. Это и теперь еще водится въ низшихъ сословіяхъ.

Въ концѣ апрѣля Г. Эйхвальдъ оставилъ Тифлисъ и отправился въ Кутайсъ, главный городъ Имеретіи. По узкимъ и

дурнымъ почтовымъ дорогамъ можно ѣхать въ экипажѣ только до Сурама; остальной путь черезъ горы совершается верхомъ. Въ сопровожденіи двухъ Казаковъ ѣхалъ нашъ путешественникъ по правому берегу Кура, который только изрѣдка пропадалъ за горами мергелеватаго известняка. Такъ онъ достигъ до прекраснаго моста черезъ Куръ подъ Мцхетой, бывшею столицею Иверин, куда въ древности шла торговля по Фазису, или Ріону, черезъ Шарапанъ. Мцхета могла быть въ то время важнымъ мѣстомъ для европейско-азійской торговли: положеніе ея при слитіи Арагуя съ Куромъ весьма выгодно и должно было благоприятствовать торговымъ сношеніямъ.

Далѣе Г. Эйхвальдъ посетилъ Гори, который содержитъ въ себѣ до пятисотъ домовъ, но прежде былъ красивѣе и обширнѣе Тифлиса. Крѣмъ-того этотъ городъ извѣстенъ благораствореніемъ воздуха и открытостью мѣстоположенія. Верстахъ въ семи отъ Гори видны остатки древняго города, котораго начало тамошніе жители относятъ къ глубокой древности. И Грузины и Армяне, вообще, любятъ преувеличивать старину каждой развалины, производить свою родословную отъ Ноя или Моисея и приписывать построеніе каждой старой крѣпости царицѣ Тамарѣ, такъ, что по ихъ словамъ она одна обстроила всю Грузію. Ляхва, впадающая у Гори въ Куръ, года за два промываетъ себѣ новое русло. Мостъ, бывшій надъ прежнимъ, остался безъ употребленія, и надобно было выстроить другой. Ляхва чрезвычайно быстра, и въ вышнемъ руслѣ имѣетъ до сажени глубины, тогда какъ въ старомъ было не болѣе полутора аршина. Куръ отъ Гори верстахъ въ двухъ. Грузины и Армяне перезъезжаютъ ее не на лодкахъ, а на вздутыхъ буйволовыхъ кожахъ, черезъ которыя положены доски: такимъ образомъ онѣ составляютъ родъ паромъ. Эти кожи должно каждый мѣсяць наполнять воздухомъ, и вообще, при ежедневномъ употребленіи, онѣ служатъ не болѣе какъ мѣсяца на четыре. Еще Куръ употреблялъ подобныя кожи, когда воюя съ массагетскою царицею Тамприсою, переправлялся черезъ Оксусъ. Грузины управляютъ этимъ паромомъ посредствомъ весель, стоя на доскахъ, и часто перевозятъ такимъ образомъ тяжелыя арбы и экипажи. Лошадей и воловъ

перегоняютъ вплавъ. Во вѣтхъ быстрыхъ рѣчкахъ около Тори водится много форелей, которыхъ Грузины и Армяне мастера ловить руками. Рыба прячется обыкновенно подъ камени; ловцы поднимаютъ ихъ и хватаютъ добычу такъ быстро, что она рѣдко отъ нихъ ускользаетъ. Въ другихъ мѣстахъ Грузинъ Татары съ равнымъ искусствомъ бьютъ палками фазановъ, рябчиковъ и прочихъ птицъ на лету: они связываютъ три маленькія жердочки, лобко бросаютъ ими въ птицу, и она по большей части падаетъ замертво.

По-сю-сторону горъ послѣднею станціей Г. Эйхвальда былъ Сурамъ, Плиніевъ *Surgium*. Здѣсь хребетъ постепенно возвышается и образуетъ естественную границу между Карталиней и Имеретіей. Всѣ рѣки, текуція съ него въ этой полосѣ, принадлежатъ къ системѣ Кура, соединяясь или съ нимъ или съ его притоками. Здѣсь же начинается и новая дорога, устроенная съ такими издержками и такъ много облегчающая сообщеніе Тифлиса съ Чернымъ Моремъ. На высшей купѣ хребта встрѣтилъ путешественника шумъ Черемелы, горнаго ручья, который уже не принадлежитъ къ системѣ Кура, а течетъ по западному скату и впадаетъ въ Ріонъ. Отсюда идутъ прекраснѣйшія горныя ущелья Имеретіи, которыя иногда совершенно охватываютъ извилистую, узкую дорогу. Она вездѣ укрѣплена, и мѣстами снабжена перилами для предохраненія экипажей. Весною бываюгъ здѣсь постоянные дожди, и горныя потоки разливаются до такой степени, что сносятъ всѣ мосты и прерываютъ сообщенія. Вѣтеръ съ Чернаго Моря гонитъ облака отъ запада на востокъ; обширные имеретинскіе лѣса удерживаютъ ихъ надъ собою, и послѣ грозы идетъ обыкновенно ужасный дождь.

Въ одной изъ экскурсій Г. Эйхвальда по горамъ сопровождалъ его старій Имеретинецъ. Дождь застигъ ихъ на дорогѣ, и старикъ упросилъ путешественника переждать непогоду у него въ деревнѣ. Насилу добрались они до жилья. Имеретинецъ представилъ профессору своихъ братьевъ, которые были всѣ моложе его; старшіе — женаты, меньшой — холостъ и говорилъ хорошо по-русски. Жены помѣщались отдѣльно отъ мужей. Путешественника ввели въ пріемную комнату, гдѣ жилъ на-время хозяинъ дома, между-тѣмъ какъ

жена его отправилась верхомъ къ родителямъ за Кутайею. Надобно замѣтить, что въ здѣшнихъ гористыхъ мѣстахъ всѣ женщины ѣздятъ верхомъ. Комната была просторна, потому что вмѣстила въ себѣ, кромѣ самихъ притѣжкихъ, еще ихъ лошадей; домъ — деревянный, съ маленькими дверями, и безъ оконъ; но тесовая кровля такъ плотна, что дождь огнюдь не проходитъ во внутренность. Посередѣ комнаты тотчасъ развели огонь, и гости сѣли вокругъ на низкихъ скамьяхъ. Досчатый полъ былъ весь законченъ отъ дыму. На противоположномъ концѣ этой залы устроены ясли для лошадей, которыя стояли на возвышенномъ помостѣ за низкой перегородкой, отдѣлявшей ихъ отъ общества. Лошади, утомленные трудной ѣздой, безпрестанно ржали, но это ни мало не безложило хозяина и его гостей. На стѣнахъ висѣло оружіе старика и разная домашняя утварь, вовсе небогатая и не доказывающая его имовитости. Число крестьянъ его также было очень не велико.

Одежда Имеретинцевъ нѣсколько похожа на персидскую. Сверхъ узкаго кафтана надѣваютъ они другой широкой, котораго рукава внизу разрѣзаны и висятъ назадъ, а станъ опоясывается кушакомъ. Но шапки у нихъ совсѣмъ особеннаго вида: это простой лоскутъ чернаго сукна, подбитый красной шелковой тканью, иногда и вышитый серебромъ. Лоскутъ этотъ вырѣзанъ съ обонхъ концовъ; онъ кладется на голову, и прикрѣпляется вязочками изъ снурка, которыя сходятся у подбородка. Лѣтомъ эта шапочка весьма удобна, но для зимы слишкомъ легка, даже при очень густыхъ и длинныхъ волосахъ Имеретинцевъ. Замѣтимъ кстати, что они охотники придавать своимъ волосамъ рыжій цвѣтъ. Сперва, особенно если идетъ дождь или снѣгъ, обвязываютъ они голову платкомъ, а потомъ уже надѣваютъ шапочку или бапшыкъ, который очень великъ, кверху заостренъ, а внизу оканчивается широкою и длинною лопастью, покрывающею плеча и спину. Имеретинцы обыкновенно выѣзжаютъ вооруженные. Это вооруженіе очень просто, но оно составляетъ почти все ихъ достояніе. Прежде ни одинъ изъ князей не зналъ у нихъ грамоты: они всегда считали это за стыдъ. Но женщины умѣли читать и писать, потому что занимались дѣлами дома, тогда какъ мужья только и дѣлали что ѣздили

на охоту, да воевали съ Турками и Лезгинами, промышленно грабежемъ.

Старый Имеретинецъ, который пріютилъ нашего путешественника, заставилъ его долго ждать ужина. Только къ полуночи, когда собралось еще нѣсколько гостей, начали подавать кушанье. Сперва принесли въ гостиную двѣ большія корзинныя яствы; потомъ, передъ скамьею Г. Эйхвальда поставили другую скамью пониже и на нее нѣсколько тарелокъ съ кушаньемъ. Другимъ гостямъ подали прежде воды умыть руки. Эта мѣра необходима, потому что они все берутъ руками и многіе изъ нихъ только-что успѣли задать коруъ лошадиамъ. Ни салфстокъ, ни вилокъ, не было: передъ каждымъ положили на столъ *чурекъ*, — тонкій и широкій блинъ изъ хлѣбнаго тѣста, о который благовоспитанные люди обтираютъ пальцы, и который послѣ переходитъ, путемъ рта, въ ихъ желудокъ. Чуреки эти найдете въ Кахетіи вездѣ, отъ самаго богатаго князя до бѣднѣйшаго крестьянина, и далѣе во всей средней и западной Азіи. Аравитяне называютъ ихъ *рагифъ*. По окончаніи стола блинъ свертываютъ и ѣдятъ съ большимъ апетитомъ или бросаютъ его кусочками гостямъ, которые глотаютъ ихъ съ неизвѣстнымъ удовольствіемъ. Грузины и Имеретинцы большіе охотники до ароматическихъ травъ и вообще до зелени: иностранецъ изумляется, сколько они ея съѣдаютъ. Г. Эйхвальдъ думалъ, что и его будутъ потчивать одними травами; но, къ счастью, ему поставили соусъ изъ курицы, приготовленный нарочно посолонье, чтобы гость пилъ больше вина; потомъ жаренаго поросенка, и наконецъ родъ пудинга безъ подливки и не слишкомъ вкуснаго. При этомъ безпрестанно пили довольно хорошее свѣтло-красное вино, изъ турьяго рога, который по-минутно наполнялся и обходилъ кругъ гостей. За столомъ такъ же неучтиво спросить вина, какъ и не пить предлагаемаго: ждите, пока вамъ подадутъ, но тутъ уже вы должны пить и передавать далѣе. Образованность не возвысилась здѣсь еще до рюмокъ, и даже въ языкѣ грузинскомъ нѣтъ для нихъ имени: въ случаѣ вужды, ихъ называютъ по-русски. Вино, подносимое гостямъ, было довольно крепко; однако жъ нѣкоторые Имеретинцы осушили отъ двадцати до тридцати роговъ, и какъ ни въ чемъ не бывали. Они очень любятъ сидѣть долго за столомъ,

вдѣть мало, но пьютъ безъ милосердія. Оба холостые брата гостепріимнаго старика не участвовали въ ужинѣ; однако жъ когда вино поразвеселило гостей, меньшей взялъ турецкіе бубны и началъ стучать, а другіе то пѣли, то плясали подь эту музыку. Одинъ изъ гостей, житель Гуріи, подгулялъ болѣе другихъ: онъ пѣлъ имъ гурійскія пѣсни, раздающіяся въ битвахъ съ Турками, но немногіе могли ему подтягивать, потому что и пѣсни и самый языкъ мало извѣстны въ Имеретіи. Наконецъ и Имеретинцы заплели свои народныя пѣсни: и кто бъ могъ подумать, чтобъ въ веселой застойной бесѣдѣ раздались вдругъ священныя пѣснопѣнія! Они воспѣвали воскресеніе Христова и другія событія жизни Спасителя. Гости при этомъ оставались въ своемъ веселомъ расположеніи и занимались однимъ изъ пѣвцовъ. Послѣ начали они плясать натѣсномъ пространствѣ между скамьями и огнемъ; выходили поочередно, и каждый плясалъ по своему; въ томъ числѣ и меньшіе братья хозяина. Танцы эти чрезвычайно просты и, подобно персидскимъ, состоятъ болѣе въ жестахъ и разныхъ положеніяхъ ногъ, безъ всякихъ пѣ, въ европейскомъ смыслѣ этого слова. Танцоры, скользя ногами впередъ, то сгибаютъ ихъ, то выпрямливаютъ, то взбрасываютъ кверху, то прыгаютъ; протягиваютъ то одну то другую руку, и потомъ приводятъ ее къ груди круто или съ выгибомъ, а голову склоняютъ то вправо то влево, точно какъ Армяне и Грузины, которые заимствовали это также у Персіянъ. По той же причинѣ не ѣдятъ они съ женщинами за однимъ столомъ, если у нихъ гости, и никогда не танцуютъ съ женщинами, хотя въ Тифлисѣ и другихъ грузинскихъ городахъ, гдѣ живутъ семейные русскіе чиновники, жены и дочери Грузиновъ и Армянъ начинаютъ уже принимать дѣятельное участіе въ европейскихъ балахъ.

Кутайсъ, главный городъ Имеретіи, обстроился подь владычествомъ Русскихъ очень хорошо. Уже Плиній зналъ его подь именемъ Cotatisium: тогда это былъ значительный, цвѣтущій, торговый городъ, черезъ который Греки и Римляне получали товары изъ Индіи: оттого онъ и Sagaranum принадлежать къ числу древнѣйшихъ городовъ Колхиды.

Въ началѣ мая Г. Эйхвальдъ отправился верхомъ въ Окрибу, но и здѣсь преслѣдовалъ его дождь. Сначала онъ ѣхалъ

прекраснѣйшими лугами, которые орошаетъ рѣка Чульци-^{Чульци} тель, осыняемая безплодными лаврами; потомъ, черезъ горы, достигъ до весьма густаго лѣсу, гдѣ почти не было проѣзда отъ вѣтвей и листьевъ. Прозрѣніе здѣсь роскошно до чрезвычайности, а между-тѣмъ земледѣліе и скотоводство въ жалкомъ видѣ. И поселяне и князья живутъ въ бѣдности; но церковь очень богата. Прежде нѣкогда изъ князей, ни самъ царь, не умирали безъ того чтобъ не заказывать духовенству особенныхъ молитвъ объ упокоеніи души, и, смотря по достатку усопшаго, оно получало за это нѣсколько крестьянъ или целую деревню. Если князю приключалась зубная боль или ломота, за очистительныя молитвы духовенство опять надѣлялось землями, такъ, что со-временемъ бѣольшая часть Грузин перешла въ его руки.

Наконецъ Г. Эйхвальдъ посѣтилъ и монастырь Гелати, замѣчательный древностью и архитектурой. Здѣсь, на огромномъ желѣзномъ створѣ, нашелъ онъ старинную арабскую надпись, которую разобралъ ученый академикъ Френъ и о которой мы уже говорили въ этомъ журналѣ,

По деревнямъ вездѣ замѣтна нищета. Лѣтъ за пятнадцать былъ въ Имеретинъ страшный голодъ: отцы продавали дѣтей за четверикъ муки. Хлѣбъ тогда не поспѣлъ, потому что дожди продолжались нѣсколько мѣсяцевъ; все на поляхъ погибло, и люди умирали тысячами. Путешественникъ вѣхалъ нѣсколько времени берегомъ рѣки Цхенись-цхале, что по-мнегрельски значитъ «Лошадиная рѣка», Пиррусъ Страбона. Почва ея русла, какъ и въ Ріонѣ, Страбоновомъ Фазисѣ, состоитъ изъ чернаго глинозему, и нигдѣ не замѣтно чистаго песку, въ которомъ можно было бы предполагать золотыя россыпи, столько разъ выводимыя на сцену и въ древнее и въ новѣйшее время. Онъ могли бы объяснить намъ происхожденіе басни о Золотомъ Рунѣ. Повѣрье о золотоносности этой рѣки существуетъ доселѣ, но золота въ ней никто не находилъ.

Г. Эйхвальдъ встрѣтилъ самый радушный пріемъ въ лагерѣ Меогалеби, гдѣ стоялъ двадцать второй егерскій полкъ. Жара здѣсь несносна, и при всемъ томъ сырость такъ велика, что вредитъ даже строеніямъ, не говоря о людяхъ; ли-

хорадка переходить обыкновенно въ горячку и оканчивается водяной. Г. Эйхвальдъ, по приглашенію полковника князя Абхазова, обедалъ со всеѣмъ корпусомъ офицеровъ у водопада Абашн. Далѣе, въ горахъ Лечгумскихъ, есть, говорятъ, много весьма значительныхъ водопадовъ, которые въ возвышенности и красотѣ могутъ спорить съ швейцарскими, тогда какъ остальная часть Кавказа, кажется, бѣдна и водопадами и озерами. Меогалеби принадлежалъ уже дадыану Левану Григорьевичу Мингрельскому, который былъ тогда генералъ-лейтенантомъ русской службы. Г. Эйхвальдъ отправился къ нему въ Сальхно: его не было дома, но путешественникъ вручилъ письмо отъ князя Абхазова супругѣ дадыана. Она была богато одѣта и приняла его очень ласково. Вечеромъ священникъ читалъ ей Евангеліе, и она молилась на балконѣ. Послѣ молитвы она представила профессору своихъ дѣтей, очень милыхъ мальчиковъ: меньшей изъ нихъ, Константинъ, отличался удивительнымъ искусствомъ въ черкесскихъ, абхазскихъ и мингрельскихъ пляскахъ. Княгиня предложила Г. Эйхвальду лошадей и проводника до Сукдиде, гдѣ находился тогда самъ дадыанъ. Нельзя вообразить, какихъ продолжительныхъ усилій стоило обыкновенно этому проводнику найти свѣжую лошадь для перемѣны. У рѣдкаго крестьянина есть одна лошадь, и ту надобно прежде пригнать изъ лѣсу. Такія же затрудненія встрѣтилъ приказъ княгини угощать ученаго прѣзжаго: вездѣ бѣгали Богъ знаетъ сколько времени чтобъ поймать какую-нибудь курицу, и вмѣсто хлѣба подавали соми. Дороги вездѣ очень дурны, а мосты еще хуже, и по бѣльшей части составлены изъ хворосту, такъ, что по нимъ можно только идти пѣшкомъ, между-тѣмъ какъ лошади переправляются вбродъ или влავъ. Наконецъ Г. Эйхвальдъ протѣхалъ мимо крѣпости Цаквишь, которая лежитъ на известковой скалѣ въ полу-разрушенномъ видѣ и безъ гарнизона, но не иначе показывается какъ съ дозволенія дадыана. Отсюда, по дурнымъ тропинкамъ, болотамъ и быстрымъ рѣчкамъ, путешественникъ достигъ до сердитой Хсин, черезъ которую надобно было перейти по весьма утлому мосту, и прибылъ въ Сукдиде, гдѣ находился и дадыанъ. Онъ строилъ тогда прекрасный новый домъ, потому что прежній грозилъ разрушеніемъ. И здѣсь, какъ въ Саль-

хинѣ, Г. Эйхвальдъ ждалъ аудіенціи нѣсколько часовъ. Въ это время навѣщали его многіе князья и черезъ переводчика старались узнать о цѣли путешествія. Самъ дадыня также спрашивалъ его объ этомъ, вызываясь содѣйствовать по мѣрѣ возможности, и неразъ изъявлялъ удовольствіе, что Г. Эйхвальдъ посетилъ его. Онъ очень любезенъ въ обращеніи, но вовсе не свѣдуецъ въ языкахъ и свѣтскихъ тонкостяхъ. Онъ только-что пріѣхалъ сюда для отраженія Абхазовъ, которые опять вторглись въ его владѣнія и, узнавъ объ его прибытіи, тотчасъ бѣжали въ горы, такъ, что на этотъ разъ онъ не могъ имъ отмстить. Зиму дадыня проводитъ въ Сукдиде, осень въ Сальхинѣ, а лѣто въ Легчумѣ, чтобъ быть ближе къ крестьянзъмъ, съ которыхъ онъ беретъ оброкъ съѣзными припасами. Такъ обьѣзжаетъ онъ всѣ свои земли, стараясь побывать въ тѣхъ деревняхъ, которыя, по отдаленности отъ столицы, не могутъ сами доставлять ему оброкъ. Тамъ онъ живетъ отъ двухъ до четырехъ недѣль, пока не потребитъ съ своими приближенными всего, что подданные должны внести своему властителю. Дорогою рѣшаетъ онъ сперы князей, чинить судъ и расправу, а потомъ возвращается въ Сальхино къ своей семьѣ.

Отсюда Г. Эйхвальдъ отправился въ Редуть-кале по весьма трудной и однообразной дорогѣ, идущей почти безпрерывно черезъ болота, изъ которыхъ лошади едва могли выбраться. Густые, непроходимые, лѣса не допускаютъ солнечныхъ лучей до пѣчзы и нѣтъ возможности просушить ее иначе, какъ предавъ огню эту твердую преграду. Только по-ту-сторону Хопи нашелъ онъ дороги несравненно лучше и безъ грязи. Редуть-кале основанъ за нѣсколько лѣтъ; прежде не было въ этомъ мѣстѣ ни одного дома. Но когда заложили гавань и торговля стала распространяться годъ отъ году, тогда только увидѣли, какой значительный доходъ можно получать здѣсь отъ одного заграничнаго торгу. Какъ земля принадлежала дадыню и въ заключенномъ съ нимъ договорѣ сказано, что онъ получаетъ десятую часть доходовъ со всякой крѣпости или города, которые Россія почтетъ важнымъ основать для оживленія торговли, то ему предложили уступить эту часть берега за ежегодное вознагражденіе. Онъ потребовалъ 2,300 рублей серебромъ, и получаетъ ихъ

теперь каждый годъ, хотя прежде мѣсто это не приносило ему ни гроша. Торгъ теперь безпрестанно усиливается, а съ нимъ возрастаютъ таможенные доходы. Большая часть домовъ построена на рѣкѣ Хони. Прежде все это мѣсто было болотомъ; теперь его высушили и укрѣпили известнякомъ. Сверхъ-того проведены каналы для стока воды, которая весной скопляется здѣсь въ большомъ количествѣ. Карантинъ лежитъ на противоположномъ берегу Хони.

Въ Редуть-кале Г. Эйхвальдъ познакомился съ княземъ Михаиломъ Абхазскимъ. Онъ живетъ здѣсь съ матерью и сестрами; прекрасный собою молодой человекъ, преданный христіанской вѣрѣ, тогда какъ мятежный народъ его исповѣдуетъ магометанство и даже поклоняется идоламъ, хотя и не былъ то же христіанскаго закона.

На возвратномъ пути Г. Эйхвальдъ видѣлъ высокія осетинскія горы, еще покрытыя снѣгомъ, который иногда лежитъ на нихъ круглый годъ. Противъ Осетинцевъ можно что-нибудь предпринять только съ нѣсколькими ротами; малочисленныхъ отрядовъ не довольно. Они вездѣ разставляютъ самую бдительную стражу, и при первомъ появленіи Русскихъ часовые переключнутся съ горы на гору: въ нѣсколько часовъ вся Осетія готова къ бою и толпами валитъ на odporъ. Теперь ихъ держать въ уздѣ храбрость и осторожность нашего войска; но прежде вторгались они ватагами въ деревню Цхинвали и разбойничали безнаказанно. Осетинцы были прежде христіане и теперь мало по-малу опять принимаютъ нашъ законъ. Впрочемъ они крестятся часто для того, что волучаютъ за это рубль серебромъ и бѣлую рубашку; они даже повторяютъ крещеніе кодъ чужимъ именемъ въ другомъ селѣ. Грузинскіе священники, для убѣжденія ихъ, распустили молву, что крещеніе — лучшая защита отъ смерти въ бою съ Русскими. Осетинецъ воображаетъ, что ни одинъ христіанинъ не можетъ убить крещенаго, чтобъ его не застгли. Бывали примѣры, что Осетинцы насильно требовали крещенія отъ священниковъ, думая, что послѣ этого не грѣшно убить некрещенаго врага.

Воздухъ въ Цхинвали казался удивительно прохладнымъ, что конечно происходило отъ близости снѣжныхъ горъ. Теплота даже среди лѣта остается здѣсь умеренною. Г. Эйх-

вальдъ осматривалъ въ горахъ любопытную игру природы, въ которой тѣмъ болѣе льду, чѣмъ теплѣе воздухъ. Зимною въ этой ямѣ льду почти не бываетъ, тогда какъ вокругъ все покрыто льдомъ. Черезъ нѣсколько дней по возвращеніи въ Тифлисъ, путешественникъ нашъ пустился въ Кахетію. Онъ посѣтилъ сперва ближайшую къ городу нѣмецкую колонію Кукію, на берегу Кура. Въ нѣсколькихъ верстахъ отсюда лежитъ колонія Александердорфъ; а въ самой Кахетіи — Маріенфельдъ, Петерсдорфъ, Катариненфельдъ и Элизабететаль. Всѣ онѣ состоятъ подъ управленіемъ особой конторы въ Тифлисъ, которая заведываетъ только ихъ денежными дѣлами, повѣряетъ счета съ казною и рѣшаетъ ихъ полицейскія ссоры, впрочемъ всегда съ утвержденія гражданскаго губернатора, главы всѣхъ колоній въ Грузіи. Мѣстоположеніе вообще ровню до одной грузинской деревни на берегу быстрой Юры, гдѣ оно дѣлается гористымъ. На правомъ берегу рѣки путешественникъ замѣтилъ древній монастырь Довлатъ съ принадлежащими къ нему строеніями, которыя необитаемы со времени послѣдняго возстанія Кахетинцевъ. Уже въ темнотѣ достигъ онъ до Гамбора, лежащаго въ прекрасной долинѣ, ополсанной высокими горами, такъ что и лѣтомъ жаръ здѣсь довольно умѣренный: вообще это одно изъ пріятнѣйшихъ мѣстъ въ цѣлой области. Несмотря на то, оно никогда не было обитаемо, потому что дикіе горцы лезгинскаго племени, Дидосы, Анцугцы, Кабучи, и другіе, безпрестанно его тревожили. Сами грузинскіе цари неохотно посѣщали Гамборъ. По прекращеніи бунта въ Кахетіи, генераль Ермоловъ поставилъ въ Гамборъ артиллерійскую бригаду чтобы внушить страхъ соседнимъ племенамъ, и это удалось совершенно. Съ-тѣхъ-поръ какъ стоятъ здѣсь русскіе солдаты съ пушками, господствуетъ величайшее спокойствіе. Лезгинцы не отваживаются ни на одно открытое нападеніе, и только пользуются темнотою ночи или чащею окрестныхъ лѣсовъ, чтобы прокрадываться въ лагерь для воровства и уводить даже безоружныхъ солдатъ, которые слишкомъ отдаются отъ лагерь или разсѣются въ лѣсу для порубки дровъ. Но прежде опасно было переходить ночью изъ дому въ домъ безъ конвоя: Лезгинны прыгали за домами, бросались на прохожихъ, затыкали

имъ рты, связывали руки и ноги, и убѣгали съ ними. Поэтому необходимо было выставить ночью множество часовыхъ: и теперь еще передъ каждымъ порядочнымъ домомъ стоитъ караульный, который при малѣйшемъ подозрѣннн окликаеть товарищей, и лагерь въ одну минуту является подъ ружьемъ. Когда солдаты отправлялись въ лѣсъ за дровами безоружные, Лезгинцы часто уводили ихъ по нѣскольку разомъ. Они приближались къ солдатамъ по-одиначкѣ, заводили разговоръ, а между-тѣмъ подходили другіе горцы: тутъ всѣ они кидались на неосторожныхъ солдатъ, вязали ихъ и увлекали съ собою. Теперь солдаты стали хитрѣе, однако врожденная самонадѣянность подвергаетъ ихъ иногда нечаяннымъ несчастіямъ. Утверждаютъ, что Лезгинны лежатъ иногда по цѣлымъ днямъ за какой-нибудь скалой и наблюдаютъ, что происходитъ въ лагерь. Для пищи нужно имъ только немного муки. Они смачиваютъ ее водою и глотаютъ. Небольшое количество этого тѣста насыщаетъ ихъ столько, что они могутъ терпѣливо ожидать въ своихъ ущельяхъ, пока случай пшлетъ имъ добычу. Командиръ артиллерійской бригады, полковникъ Долгого-Сабуровъ, встрѣявъ путешественника, что Лезгинны безъ всякаго сомнѣнія имъ-ють уже самыя точныя извѣстія о прибытіи ученаго натуралиста, и, вечеромъ, когда Г. Эйхвальдъ хотѣлъ наѣстѣтитъ бригадаго медика, жившаго съ пол-версты стъ его квартиры, полковникъ далъ ему на всякій случай вооруженнаго солдата въ провожатые. Если они однажды захватили добычу, то нѣтъ уже ни какой возможности отнять ея у нихъ: они такъ быстро убѣгаютъ въ лѣсъ и такъ легко взбираются на голые, почти отвѣсные утесы, что наши солдаты не въ состояніи догнать ихъ, и чѣмъ болѣе удаляются они отъ лагерь, тѣмъ болѣшя опасности ихъ ожидаютъ. Странно, что, несмотря на частыя истребленія, Лезгинны становятся все многочисленнѣе, и только значительное число вооруженныхъ солдатъ удерживаетъ ихъ отъ явнаго нападенія. Пленныхъ таскають они за собой по нѣскольку недель, томя голодомъ и жаждою, и не давая имъ отдыха. Потомъ они продають ихъ обыкновенно Черкесамъ, а тѣ прежде сбывали Туркамъ въ Анапу, если полковой командиръ не успѣвалъ выкупить.

На горахъ вокругъ лагеря много старыхъ разрушенныхъ церквей и крѣпостныхъ стѣнъ, въ которыхъ впрочемъ нѣтъ ничего замѣчательнаго. Несмотря на великую опасность и нежеланіе полковника отпустить Г. Эйхвальда, онъ рѣшился ѣхать въ древній монастырь, лежащій въ долинѣ Юры. Ему дали десять вооруженныхъ артиллеристовъ и нѣсколько Казаковъ; но самая рѣка, въ которой было тогда полноводье, представляла путешественникамъ величайшія трудности. Ея глубина, быстрота и частыя излучины безпрестанно подвергали ихъ опасности утонуть, при переправахъ, вмѣстѣ съ лошадьми. Такъ отъѣхали они верстѣ девять, и вдругъ крутой лѣсистый берегъ заставилъ ихъ воротиться. Вездѣ встрѣчалось прекраснѣйшее прозябеніе, но деревень нигдѣ не было видно. Кромѣ Хевсуровъ и Пшавовъ живутъ здѣсь въ горахъ Дидойцы и Туши, Анцугцы и Кабучи, которые все очень дики и живутъ разбоемъ.

Въ тотъ же день пріѣхалъ въ Гамборъ гражданскій губернаторъ, Г. фонъ-дербъ-Ховень, и очень дивился отважной поѣздкѣ Г. Эйхвальда въ кахетинскія горы: онъ отсоветовалъ ему всякую дальнѣйшую попытку. Четырнадцатаго іюня нашъ путешественникъ отправился въ Телавъ. На половинѣ дороги пришлось ему перетѣзать черезъ гору Гамборъ, которая возвышается на 4,818 парижскихъ футовъ надъ уровнемъ Чернаго Моря, тогда какъ артиллерійскій лагерь не выше 3,168 футовъ. Съ этой горы видна вся окрестность на пять сотъ квадратныхъ верстѣ, — Телавъ, Мухраванъ, и даже Тифлисъ, въ ясную погоду. Внизу стелются плодоносные луга и долины Алазани, которой теченіе далеко доступно зрѣнію. Зимой лежитъ на всей этой дорогѣ весьма глубокой снѣгъ, такъ, что нѣтъ нигдѣ проѣзда и неразъ должно было пролагать другую дорогу. Почва въ окрестности дотога плодоносна, что стѣбать только пригнуть вѣтвь къ землѣ, и пойдетъ новое дерево. Часто дѣлается это само собою, и природа образуетъ цѣлую живую изгороду. Орѣшины встрѣчаются такой толщины, что семь человекъ не охватятъ одного дерева: одна такая орѣшина находится въ Кухгѣ, селеніи на Алазани. На большей части деревъ возникаютъ напловы, или наросты, часто ужасной величины и тяжести, отъ восьмидесяти до девятиста пудовъ,

такъ, что можно вырѣзать изъ нихъ цѣльную столовую доску. Паросты отъ девяти до десяти пудовъ найдете почти на каждомъ деревѣ; внутренность ихъ испещрена прекрасными прожилками и принимаетъ стличную полировку. Этимъ деревомъ оклеиваютъ обыкновенно простые столы, и они получаютъ самую пріятную наружность. Телавъ лежитъ на высотѣ, особенно самая крѣпость. Съ нея открывается прекрасный видъ на обширную долину Алазани: рѣка эта течетъ въ осьми верстахъ отсюда къ северу. Г. Эйхвальдъ нашель въ Телавѣ множество Хевсуровъ, Ишавоевъ и Тушей, которые спустились съ своихъ горъ по случаю прибытія гражданскаго губернатора для представленія на судъ его своихъ взаимныхъ неудовольствій. У иныхъ были странныя жалобы: такъ, одинъ просилъ наказать похитителей мѣтнія, доставшагося ему по смерти отца, не умѣя однако жъ называть ихъ.

На высотѣ горъ непроницаемыя туманы застилаютъ солнце, и въ этихъ пустыняхъ всего легче сбиться съ пути. Оттого, горскіе разбойники, какъ корсары на морѣ, употребляютъ компасъ. Нѣкоторые компасы ихъ велики, съ полфута въ поперечникъ: другіе напротивъ не болѣе дюйма и удобно помѣщаются въ карманъ; вмѣсто магнитной стрѣлки употребляются въ нихъ двѣ тонкія проволоки, выгнутыя въ срединѣ кольцомъ и сходящіяся кончиками; на доскѣ означены по-турецки имена четырехъ боковыхъ вѣтровъ, а не главныхъ. Компасы эти въ довольно общемъ употребленіи у Лезгинцевъ. Въ нынѣшнее время, когда столько опытовъ дѣлаютъ надъ магнитизированіемъ желѣза, и столько пишутъ объ исторіи компаса, когда небольшое сочиненіе покойнаго Клапрота увлекло мнѣнія бѣльшей части ученыхъ къ пользу гипотезы, которая приписываетъ открытіе нашего компаса Китайцамъ, весьма любопытно было бы изслѣдовать, какія средства употребляютъ Лезгинцы для сообщенія проволокамъ магнитнаго свойства и давно ли имъ извѣстно это изобрѣтеніе. Не только исторія компаса, но и электро-динамическая теорія быть-можетъ обогатилась бы новыми фактомамъ. Вотъ еще одинъ прекрасный предметъ для занятій образованнаго Русскаго на Кавказѣ, не считая множества другихъ. Въ нынѣшнее время, по распоряженію Горнаго Корпуса, сдѣлано нѣ-

сколько геогностических изслѣдованій въ землѣ Хевсуровъ и Пшавовъ, но и географическія свѣдѣнія объ этой части горъ еще весьма неудовлетворительны: мы не знаемъ даже истока рѣки Самуры.

Изъ Телава путешественникъ ѣхалъ до Сыгнака обширною равниною, орошаемою Алазанию и ея притоками. Летомъ бываетъ здѣсь сильный зной, благопріятствующій многимъ болѣзнямъ; жители покидаютъ свои дома, и обыкновенно укрываются на-время въ горахъ. Крѣпость Сыгнакъ лежитъ на высшей купѣ горнаго хребта и потому видна далеко издали. Она построена царемъ Иракліемъ для защиты отъ лезгинскихъ набѣговъ. Бѣльшая часть жильевъ — землянки; весьма немногіе дома видны поверхъ земли. Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Сыгнака, восторону отъ дороги, стоитъ на крутомъ утѣсѣ древній монастырь Степанъ-Цминда: здѣсь есть прекрасная большая церковь, которую царь Иракліе очень любилъ посѣщать. Еще на нѣсколько верстъ далѣе находятся царскіе колодцы, гдѣ расположена была шибъ-квартира нижегородскаго драгунскаго полка. Командиръ, Петръ Ивановичъ Шаберскій, предложилъ путешественнику помѣститься въ своемъ домѣ, и отсюда посѣтилъ Г. Эйхвальдъ близлежащіе нефтяные источники и соляныя озера въ соседствѣ Юры. Вездѣ встрѣчалось самое роскошное прозябаніе. Отъ соляныхъ озеръ идутъ прекрасныя луга и пажити до бугристой долины, гдѣ оданъ холмъ тѣснить другою, такъ что трудно проѣхать. Въ этихъ проходахъ, до учрежденія здѣсь лагеря, держалось множество хищныхъ Лезгиновъ, которые, пользуясь благопріятнымъ соседствомъ горныхъ ущелій, простирали свои набѣги вдоль по Алазани до Кура, дѣйствуя часто за одно съ Персіянами и жителями Ширванской Области: они нападали, гдѣ могли, на казацкіе пикеты. Съ тѣхъ поръ какъ русскій лагерь расположился въ Карагачѣ и смирено разбойничье гнѣздо Белоканъ, нигдѣ не видно хищныхъ шаекъ, и дороги безопасны. Въ Кахетіи примыкаетъ въ этомъ мѣстѣ земля Элисуй-Султана, покоренная русской державѣ, но безъ платежа дани.

На возвратномъ пути въ Гифлясъ, Г. Эйхвальдъ проѣзжалъ известковыми горами, выходящими изъ гамборскаго хребта. Воздухъ здѣсь весьма пріятенъ и свѣжъ. Далѣе представляетъ

ся необозримая равнина, гдѣ нѣтъ почти ни одного деревца, но виднѣются довольно богатая нивы и луга. Летомъ въ этой сторонѣ — жара нестерпимая. Прежде существовали здѣсь казацкіе посты, потому что путь изъ Сыгнака въ Тифлисъ черезъ эти степи гораздо короче нежели черезъ Телавъ; но каждый годъ погибало много Казаковъ; даже туземцы, поставляющіе почтовыхъ лошадей, страдали отъ климата и тѣмъ болѣе, что въ этомъ краѣ мало воды. Наконецъ никто изъ Грузиновъ не брался содержать станцій: надобно было оставить эту дорогу и учредить другую черезъ гамборскую цѣпь.

Въ нѣсколькихъ верстахъ за Юрой дорога снова подымается въ гору, и путешественникъ долго тхалъ этимъ хребтомъ, который тянется въ юго-восточномъ направленіи черезъ всю Кахетію, начинаясь въ землѣ Пшавовъ по-сю-сторону Кавказа и простираясь по правому берегу Юры до слиянія съ въ Алазанію. Внизу Унадарская Степь отдѣляетъ его отъ степи Карая, которая стелется по лѣвому берегу Кура и по правому Юры до прежней почтовой дороги. Имя свое, *Кара гвозь*, то есть, черный глазъ, получила эта степь отъ цвѣту почвы, доставляющей зимсю превосходныя пастбища, гдѣ снѣгъ лежитъ рѣдко долѣе трехъ дней. Многія татарскія орды приходятъ изъ-за Кура и водворяются здѣсь на зиму съ своими стадами. Летомъ чрезмѣрные жары дѣлаютъ ее вовсе необитаемою. Въ немецкой колоніи Мариенфельдъ дали Г. Эйхвальду телѣгу, запряженную тройкой, и онъ очень покойно горотился въ Тифлисъ. Вскорѣ однако жъ онъ снова покинулъ этотъ городъ чтобы отправиться къ Арарату.

Ученый натуралистъ педвлялся, если не достигнуть до вершины Поевой горы, по крайней-мѣрѣ побывать у подножія, посетить Эриванъ и Эчмиадзинъ и сдѣлать въ этой замѣчательной странѣ нѣсколько естество-историческихъ изысканій. Погода благоприятствовала путешествію: теплота достигла известной степени и, казалось, не имѣла намѣренія усиливаться. Обѣ первыя станціи тхалъ онъ въ почтовой повозкѣ. Дорога шла по правому берегу Кура у подошвы высокихъ известковыхъ горъ, котерыя облегаютъ этотъ берегъ. Селеніе Коди лежитъ въ двадцати пяти верстахъ

отъ Тифлиса, въ волнистой долинѣ, простирающейся отъ горъ по рѣкамъ Куру, Альгету и Храму съ юго-запада на востокъ. Здѣсь встрѣчались уже глыбы базальта и куски оксидана, признаки вулканическаго образованія этого края. За деревнею Шулавери Г. Эйхвальдъ поднялся на постепенно восходящій горный хребетъ, взбираясь съ большимъ трудомъ по голымъ трахитовымъ утесамъ. Но болѣею частію тхаль онъ густымъ лѣсомъ, и со ската высокихъ горъ наслаждался прекраснѣйшими видами на плодоносныя равнины. Пройхавъ верстъ пятьдесятъ, онъ достигъ до рудника Аллаверды. На высотѣ деревья становились рже; наконецъ исчезъ и кустарникъ, и только нагія скалы купами подымались къ облакамъ; горныхъ потоковъ не замѣчалъ онъ почти вовсе.

Аллаверды, что значитъ «Богъ далъ», лежитъ въ обширной долинѣ, окруженной высокими деревьями. Это одинъ изъ самыхъ прибыльныхъ рудниковъ на Кавказѣ и обрабатывается уже около столѣтія Греками. Почти каждое утро и вечеръ господствуетъ здѣсь туманъ и весьма часто идутъ дожди: только въ полдень бываетъ ясно, и изрѣдка вѣетъ легкій вѣтерокъ, но неизменноности мѣстоположенія. Холодъ продолжается иногда до самаго лѣта, и снѣгъ лежитъ на ближайшихъ высотахъ до мая и далѣе. Отсюда путешественникъ отправился черезъ горы, и потомъ черезъ обширную равнину, къ Джелалоглу, на рѣкѣ Тебедѣ, гдѣ стоялъ тогда артиллерійскій лагерь полковника Флюге. Издали видны уже отдѣльныя строенія, и подумаете, что передъ вами — сплошная равнина, какъ вдругъ открывается длинное углубленіе, въ которомъ шумитъ Тебеда; но вы видите ее не прежде какъ остановишись на крутомъ берегу: чудное явленіе для геогноста! Быстрая рѣка течетъ въ сорока четырехъ сажняхъ глубины; высокіе, стремнистые берега ея состоятъ есъ изъ базальта и образуютъ обширный ровъ или разсѣлину вулканическаго происхожденія. Вечеромъ Г. Эйхвальдъ поѣхалъ въ Лори на правомъ берегу Тебеды. Лори былъ послѣднею столицей армянскихъ царей, которые въ лучшую свою эпоху жили въ Нахичеванѣ и потомъ въ Ани. Въ десятомъ вѣкѣ Лори былъ небольшимъ селеніемъ; впоследствии онъ сдѣлался главнымъ городомъ сѣверной Арменіи. Онъ лежитъ у Тебеды въ томъ мѣстѣ, гдѣ соединяется

съ ней подь острымъ угломъ горный потокъ Ахшегаръ, Дорги орамлена такими же базальтовыми берегами какъ и Тебеда. Властители Арменіи воспользовались этимъ мѣстоположеніемъ для основанія крѣпости: они провели прямую, высокую стѣну отъ Тебеды до Ахшегора, и эта неприступная твердыня защищалась съ двухъ сторонъ крутыми берегами, а съ третьей стѣною. Передъ крѣпостью, на дорогѣ въ лагерь, было прежде армянское кладбище, окруженное также высокою стѣной: надгробные камни его -- всѣ безъ надписей; многочисленныя памятники, грубо высѣченные изъ базальта, представляютъ барановъ, лошадей, и тому подобное. Исключи жили здѣсь Армяне; по-ту-сторону Тебеды обитаютъ теперь Грузины и Греки. Еще не задолго, къ западу отсюда по дорогѣ къ Гумри, жило досеми сотъ семей Курдовъ, подвластныхъ Россіи, но не данниковъ.

Обширная равнина по направленію въ Караклисъ привела Г. Эйхвальда къ горной цѣпи, которой главную куну образуетъ высокій Безабдалъ. И здѣсь всюду видны вулканическія толщи, которыя ближе къ Караклису, становятся явнѣе. Верстахъ въ десяти передъ городомъ течетъ вправо отъ дороги небольшой желѣзноватый клѣтъ, въ которомъ, кажется, есть немного и углекислоты. Караклисъ -- главное мѣсто Бамбакской Области. Этотъ древній армянскій городъ теперь болѣе похожъ на деревню; однако жъ въ немъ примѣчательны старинная церковь, большой рынокъ съ множествомъ лавокъ и нѣсколько прекрасныхъ домовъ, выстроенныхъ русскими офицерами. На одномъ армянскомъ погостѣ Г. Эйхвальдъ нашелъ нѣсколько древнихъ памятниковъ съ самыми грубыми изваяніями людей, орудій, и прочая; молотъ и наковальня показываютъ, напримѣръ, что усопшій былъ кузнецъ. Базальтъ, изъ котораго они сдѣланы, гораздо плотнѣе, крѣпче, и свѣтлѣе цвѣтомъ, нежели лорійскій. Изъ Караклиса профессоръ пустился къ озеру Гокчай, которое находится верстахъ въ сорока, за горами. Дорога трудна, потому что безпрестанно должно перетѣзжать горы. Низшія купы состоятъ изъ известняка, но кругомъ лежатъ въ развалинахъ толщи трахита и лавы. Почва весьма плодородна и травы чрезвычайно высоки. Пройхавъ двѣнадцать верстъ, Г. Эйхвальдъ достигъ до Касахской Дистанціи, гдѣ онъ былъ уже при посѣщеніи Краснаго Моста на Храмъ. Жи-

тели этой дистанціи сказываютъ, что они пришли изъ Тур-рана, то есть, изъ-за Аму-дерьи; жители Борчалъской Дистанціи, говорятъ, природные Турки, а жители Шаммадильской Персіане. Зимомъ спускаются они съ своихъ холодныхъ горъ въ степь по-ту-сторону Кура, а лѣтомъ опять возвращаются на горы, потому что на равнинѣ слишкомъ жарко. Чѣмъ болѣе Г. Эйхвальдъ приближался къ большому озеру, тѣмъ замѣтнѣе становился буроватый трахитъ съ мелкимъ, безцвѣтнымъ, стекловатымъ фельдспатомъ и крошечными горными кристаллами. Всего болѣе здѣсь трахита, и онъ до такой степени господствуетъ во всей цѣпи, простирающейся отъ Караклиса до озера верстъ на двадцать, что всѣ высшія купы принадлежать къ этой породѣ. Г. Эйхвальдъ замѣтилъ впоследствии, что она образуетъ и островъ Севангу на озерѣ. На берегу разсыяно множество глыбъ лавы, которыхъ происхожденіе обличается черноватымъ цвѣтомъ и сильною скважностью. Куски базальтной лавы и пемзы также лежатъ въ окрестности озера.

Г. Эйхвальдъ поѣхалъ верхомъ въ Белихчай, гдѣ стояли лагеремъ двѣ роты тифлискаго пѣхотнаго полка, верстахъ въ четырехъ отъ озера, у самой персидской границы. Лагерь стоитъ довольно высоко, и потому озеро кажется отъ него вблизи; отдаленность становится ощутительною только при переѣздѣ. Начальствующій капитанъ отсовѣтовалъ профессору ѣхать далѣе, потому что слухъ о вторженіи Персіанъ часъ-отъ-часу подтверждался. Офицеры жили въ землянкѣ, гдѣ такъ сыро и холодно, что Г. Эйхвальдъ едва могъ выдержать въ шинели, подбитой ватой: онъ предпочелъ бы ночевать на открытомъ воздухѣ, если бъ съ озера не дулъ всю ночь рѣзкій вѣтеръ. Какъ лагерь открытъ со всѣхъ сторонъ и не выдержалъ бы нападенія значительнаго числа непріятелей, то хотѣли устроить редутъ для затрудненія по-крайней-мѣрѣ перваго напора. Но едва Эриванскіе Персы узнали объ этомъ редутѣ, который возвеличили они въ крепость, тамошній сердаръ тотчасъ прибѣгнувъ съ жалобой къ генералу Ермолову и прссилъ остановить работы. Это обстоятельство вмѣстѣ съ другими несогласіями при опредѣленіи русско-персидскихъ границъ, заставляли ожидать скорого разрыва, и Г. Эйхвальдъ увидѣлъ себя въ необходимости отказаться отъ поѣздки на Араратъ и въ Эривань, тѣмъ бо-

лзе, что по послѣднимъ извѣстіямъ сердарь эриванскій вступилъ уже въ наши предѣлы съ многочисленнымъ войскомъ.

Несмотря на это, путешественникъ пустился на другой день въ монастырь Севангу, на островъ того же имени. Версть десять ѣхаль онъ берегомъ и по бѣльшей части горами, которыя становились всё выше и круче вплоть до озера, и состояли всѣ изъ порфира. Еще прежде переправился онъ черезъ Белихчай, пограничную рѣку Россіи съ Персіей. Островъ отстоитъ версты съ полторы отъ берега. Г. Эйхвальдъ перетхаль на плотъ при благопріятномъ вѣтрѣ; но послѣ обѣда озеро разбушевалось, и обратный путь былъ гораздо труднѣе. Волнами заливало плотъ, и надобно было употребить по три гребца на весло чтобъ устоять противъ теченія: при всемъ томъ, плотъ свесло далеко къ югу, и путешественникъ вышелъ на берегъ близъ Санги. Въ этой части озера вѣтеръ утромъ и пополудни такъ же постояненъ какъ на многихъ озерахъ Швейцаріи. Озеро имѣетъ около пятидесяти пяти верстъ въ длину, и въ южной самой широкой оконечности своей — до пятнадцати верстъ въ поперечникъ. На берегахъ видны вездѣ трахитныя купы, доказывающія вулканическое его происхожденіе. Островъ Севанга состоитъ также изъ довольно крутой и весьма высокой трахитной скалы темно-краснаго цвѣту, гдѣ встрѣчаются сверхъ того разные виды базальтной лавы. Онъ имѣетъ около двухъ верстъ въ окружности. На островѣ есть нѣсколько монастырей, выстроенныхъ изъ базальта, и въ нихъ до двадцати пяти армянскихъ монаховъ, изъ которыхъ многіе никогда не показываются заѣзжимъ и живутъ безвыходно въ своихъ келліяхъ. Г. Эйхвальдъ видѣлъ нѣкоторыхъ такъ неподвижно сидящихъ у церквей, что, казалось, жизнь въ нихъ погасла. Монахи называли себя русскими подданными, хотя островъ принадлежалъ тогда Персіи; монастырь Эчмиадзинъ почитали они также подвластнымъ Россіи. Озеро это весьма обильно рыбою, и берега его покрыты множествомъ растений.

На возвратномъ пути съ острова, Г. Эйхвальдъ посѣтилъ Сангу. Съверо-западный берегъ озера здѣсь такъ низокъ, что легко понимается волою, которую можно было бы отвести довольно далеко, особенно если стокъ ея облегчить каналомъ. Аббасъ Великій дѣйствительно велѣлъ прорыть каналъ для

ДР 1936920
1101035

проведенія воды изъ озера въ Сангу, и такимъ образомъ Эриванская Область всегда снабжена достаточнымъ количествомъ этой необходимой потребности. Черезъ нѣсколько часовъ по возвращеніи Г. Эйхвальда, въ лагерь пришли Елисаветпольскіе Татары съ вѣстью изъ Эривани, что братъ сердаръ, Гасанъ-Ханъ, двинулся съ сильнымъ отрядомъ къ Баранцолю и занялъ тамъ позицію вблизи русскаго лагеря. Эта новость привела всѣхъ въ страшное смятеніе, тѣмъ болѣе, что уже былъ вечеръ и надлежало опасаться внезапнаго нападенія въ темнотѣ. Г. Эйхвальдъ нетерпѣливо ждалъ разсвѣта чтобы отправиться обратно въ Караклисъ. Утромъ въ четыре часа, окруженный шумомъ оружія, оставилъ онъ малевкій балихчайскій лагерь и въ сопровожденіи Казаковъ пустился на Караклисъ, а оттуда черезъ Безобдалъ и Джелламоглу, кратчайшимъ путемъ, къ Тифлису. Отсюда посетилъ онъ, прежде всего, Мухету на берегу Кура, гдѣ осматривалъ еще разъ древнюю грузинскую церковь, оконченную, какъ говорятъ, въ пятomъ столѣтіи царемъ Вахтагомъ-Гургъ-Асланомъ. Въ Анануръ ведетъ весьма ровная дорога. Здѣсь есть длинный базаръ, составляющій большую часть города, и на высотѣ лежитъ древній замокъ, который болѣе и болѣе разрушается. Наконецъ явилась прекрасная долина Арагви и потомъ ананурскій продоль. Жаръ былъ невыносимый; Г. Эйхвальдъ чувствовалъ такую дурноту, что едва могъ ѣхать. Только на другой день достигъ онъ до подошвы Каушаура, гдѣ стоялъ съ ротомъ подполковникъ Кононовъ. Путешественникъ вручилъ ему письменное приказаніе генерала Ермолова дать всѣ возможные пособія для переезда Каушаура. Тотчасъ велѣно было заложить въ его коляску пять паръ буйволовъ чтобы встациать ее на крутую гору, которая однако жъ не болѣе версты въ вышину; но каменья лежатъ на ней въ такомъ множествѣ, что солдаты безпрестанно должны были поддерживать экипажъ, чтобы онъ не опрокинулся. Только на вершинѣ дорога сдѣлалась ровною и можно было заложить лошадей; но отсюда до Коби она становится все круче, и надлежало опять прибѣгнуть къ буйволамъ. Съ трудомъ достигъ путешественникъ до темени Гудгоры, восходящей на 7,534 фута надъ уровнемъ моря. Передъ самой Коби нашъ профессоръ пробѣжалъ нѣкоторое пространство по льду, не растаявшему даже и въ сильныя июльскіе жары.

Въ Коби ожидали его сорокъ человекъ солдатъ владикавказскаго гарнизона съ офицеромъ и двадцатью казаками. Генералъ Ермоловъ велѣлъ выслать ихъ изъ Владикавказа для сопровожденія Г. Эйхвальда въ его горныхъ экскурсіяхъ. Ученому наблюдателю хотѣлось обозрѣть Терекъ до самаго истока; однако ни конвойный офицеръ, ни комендантъ Коби, не совѣтовали ему рѣшиться на это предпріятіе, потому что въ предшествовавшемъ году полковникъ Кононовъ хотѣлъ проникнуть въ терекскую долину съ тысячею двумястами человекъ, и въ короткое время былъ такъ обойденъ Осетинцами, что съ трудомъ воротился во-свои, не дошедши до конца долины. Если бъ Г. Эйхвальдъ чувствовалъ себя лучше, онъ осмотрѣлъ бы хоть часть ея, но слабость и ужасная головная боль удержали отъ всякихъ изслѣдованій. Въ нѣсколькихъ верстахъ оттуда встрѣтилъ онъ самыя явственныя трахитныя толщи: онѣ образуютъ довольно высокую горную цѣпь. Прежде уже попадался столь же несомнительный базальтъ и чистая базальтная лава, такъ, что очевидно и эта часть хребта обязана своимъ происхожденіемъ силамъ вулканическимъ. Далѣе возвышаются гребни сланцевыхъ горъ. Терекъ, сначала узкій, мало-по-малу быстрѣетъ и скорѣ прорываетъ себѣ глубокое русло. Передъ глазами стоитъ покрытый вѣчнымъ снѣгомъ и льдами Казбекъ, и грозно возвышается надъ всеми окрестными хребтами. Это также трахитная скала. Г. Эйхвальдъ взошелъ на подножіе ея отъ Степанъ-Цминды, но за нездоровьемъ не могъ подняться выше. Далѣе проѣзжалъ онъ узкою Даріельскою Тѣсниною, то есть, Кавказскими или Каспійскими Вратами древнихъ Грековъ и Римлянъ. Съ праваго берега Терека на лѣвый здѣсь брошенъ мостъ, и съ обоихъ концовъ его представляется картина страшнаго разрушенія: здѣсь-то почти ежегодно обрушиваются съ вершины Казбека, или Мкинвари, огромныя лавины, смѣшанныя съ обломками скаль, и падаютъ въ терекскую долину. Обвалы бываютъ особенно сильны каждыя семь лѣтъ; они совсѣмъ загромождаютъ путь по берегу Терека, такъ что эту дорогу должно оставить; рѣка выходитъ изъ береговъ и наводняетъ всю окрѣжность. Тотчасъ за Даріельскою Тѣсниною долина Треека удивительно расширяется, и отсюда до Владикавказа дорога совершенно ровна. Здѣсь - то всѣ путешественники

присоединяются къ большому каравану подъ прикрытіемъ военнаго отряда съ пушкою. Путь до Екатеринограда, версть болѣе ста, пролегаетъ черезъ глухую степь. Отсюда остается еще сто двадцать до тогдашняго уезднаго города Георгіевскаго, и Г. Эйхвальдъ проѣхалъ ихъ весьма удобно въ одинъ день на почтовыхъ. На слѣдующее утро отправился онъ версть за сорокъ къ кавказскимъ водамъ, которыя съ 1830 года по Высочайшему повелѣнію прекрасне обстроены и возведены на степень уезднаго города Пятигорска. Съ каждымъ годомъ Пятигорскъ украшается и увеличивается, и врачебныя заведенія достигаютъ большаго совершенства. Ключи эти находятся въ горѣ Машукъ, состоящей изъ весьма крѣпкаго известковаго капельника. Самый горячій ключъ — Александровскій, самый холодный — Елисаветинскій; кромѣ того есть другіе, и всѣ приносятъ величайшую пользу въ разныхъ болѣзняхъ. Ключи на склоны Машуки весьма подвержены переменамъ такъ, что, послѣ сухой, поздней осени, въ Марьинскомъ и Калмыцкомъ ключахъ зимою почти вовсе нѣтъ воды, и можно опасаться, чтобъ они совершенно не изсякли, хотя весною почти всѣ приходятъ въ первобытное состояніе. Калмыцкій ключъ оставался два года сухимъ или текъ тоненькой струею, но прибылъ понемногу опять, и при посѣщеніи Г. Эйхвальда былъ глубже всѣхъ другихъ: въ слѣдующій годъ устроили на немъ палатку съ двумя ваннами. Для многихъ больныхъ было слишкомъ трудно, для другихъ слишкомъ дорого взвѣзжать каждый разъ на высокую гору, большею частью на наемныхъ лошадяхъ: потому еще въ 1826 году у подножія Машуки выстроили новыя купальни, куда вода проведена по скату горы изъ Александровскаго источника. Передъ купальнями развели тогда же прекрасный садъ съ небольшимъ паркомъ. Къ востоку отъ Марьинскаго ключа лежитъ новый, Николаевскій, который даетъ столько же воды, и, послѣ главнаго, онъ самый горячій. Сѣрныя воды каждое лѣто посѣщаются множествомъ больныхъ съ величайшею пользою, и въ лицѣ доктора Конради имѣли тогда отличнаго врача.

Черезъ нѣсколько дней Г. Эйхвальдъ отправился къ кислому ключу въ Кисловодскъ, лежащій отъ Пятигорска версть на сорокъ. По этой дорогѣ горы возрастаютъ и въ объемъ и въ вышину. Передъ самымъ ключемъ должно перѣзжать

Подкумскъ, который здѣсь не слишкомъ глубокъ. Съ высо-
ты спускаетесь въ прекрасную долину рѣки Казады, гдѣ те-
четъ кислый ключъ. „Весьма издалека видны уже кромѣ
крѣпости Кисловодска множество прекрасныхъ зданій, рес-
торациа, которая однако жъ не такъ велика и хороша какъ
въ Пятигорскѣ, далѣе кибитки и шатры, разбѣянные въ
долину. Сюда, какъ и на стрѣны воды, многіе дома переве-
зены совсѣмъ готовые изъ Астрахани. Кислый ключъ ле-
житъ въ землѣ Кабардинцевъ и только лѣтъ за сорокъ сдѣ-
лался известнымъ, когда, преслѣдуя Кабарду у Подкумска,
Русскіе проникли въ эту долину и открыли прекрасный цѣ-
лебный источникъ. Въ 1803 году построена здѣсь крѣпость
Кисловодскъ, и такимъ образомъ положена преграда набѣ-
гамъ горскихъ народѣвъ. Вода въ ключѣ очень пріятна вку-
сомъ, кисловата, освѣжающая, и похожа на воду Спа, но ме-
нѣе содержитъ въ себѣ желѣза; она особенно отличаетъ
большимъ количествомъ углекислоты и употребляется для
питья и для купанья. Наполнивъ ванны и купальни, ключъ
бѣжитъ маленькимъ ручьемъ подъ именемъ Нарпаны, и на-
конецъ впадаетъ въ Казаду. На берегу этой рѣки встрѣчаетъ-
ся твердый, капельниковый известнякъ безъ всякихъ ока-
менѣлостей, но близъ ресторации на скатѣ небольшой горы
есть известчатый капельникъ съ отпечатками листьевъ, ко-
торый хотя и новаго происхожденія, однако жъ такъ твердъ
и крѣпокъ, что годится для строенія. Въ нѣсколькихъ вер-
стахъ отсюда находятся гораздо древнѣйшія породы. Въ
здѣшнихъ горахъ, по лѣвому берегу Кубани, особенно около
притока ея Агура, водится туръ, какъ уже предпологаля и
Палласъ.

На возвратномъ пути въ Пятигорскъ, докторъ Конради
предложилъ Г. Эйхвалду посѣтить вмѣстѣ съ нимъ желѣз-
ныя воды на Желѣзной Горѣ, гдѣ считаютъ болѣе двенад-
цати ключей: одни изъ нихъ теплые, другіе свѣжые, но
вразсужденіи составныхъ частей всѣ почти одинаковы. Же-
лезная Гора, подобно сосѣду своему Беш-тау, или Пяти-
горью, состоитъ изъ трахитнаго утеса, окруженнаго такимъ
густымъ лѣсомъ, что трудно въ него проникнуть. Только
тамъ, гдѣ узкая тропинка ведетъ по горѣ къ ключамъ, де-
ревья вырублены и лѣсъ немного расчищенъ. Г. Германнъ,
трудившійся съ большою пользою надъ разложеніемъ этихъ

ключей, сравниваетъ теплѣйшіе источники съ теплыми водами, къ которымъ они наиболѣе подходятъ по составнымъ частямъ своимъ. Купальни вполнѣ всѣма распространены и улучшены; климатъ очень пріятенъ и здоровъ; нѣтъ недостатка въ тѣни, какъ въ Пятигорскѣ, но зато нѣтъ и парка для прогулокъ. У сѣверной подошвы Бешъ-тау, на половинѣ дороги изъ Пятигорска къ Железной Горѣ, лежитъ нѣмецкая колонія Коразъ, названная такъ по имени прежней абхазской деревни. Она состоитъ изъ семей сорока нѣмецкихъ выходцевъ и нѣсколькихъ шотландскихъ миссіонеровъ, которые начали проповѣдывать христіанство Абхазамъ и Черкесамъ и продолжаютъ это съ давнихъ поръ безъ особеннаго успѣха. Верстахъ въ двухъ отъ колоніи, ближе къ склону Бешъ-тау, есть двѣ черкесскія деревни, которыхъ жители всегда были миролюбивы, тогда какъ другіе горные Черкесы иногда воруютъ у колонистовъ скотъ и даже мальчиковъ. Къ первобытнымъ жителямъ здѣшняго сѣвернаго ската кавказскихъ горъ принадлежатъ въ особенности Карачаи. Черкесы, Абхазы и Ногайскіе Татары, которые наконецъ укрощены и покорены силою русскаго оружія, послѣ того какъ всѣ попытки смирить ихъ добромъ и снисхожденіемъ оставались безуспѣшны.

Въ половинѣ августа Г. Эйхвальдъ пустился въ Славрополь. Все окрестные холмы состоятъ изъ желтоватаго, раковистаго известняка третичнаго образованія. Верстахъ въ пятидесяти оттуда увидѣлъ онъ между казацкими станицами, Донскою и Безопасною, первые каменные идолы, которые были уже описаны Гюльденштедтсмъ и Клапротомъ: далѣе въ степи число ихъ возрастаетъ дотого, что они стоятъ во множествѣ по обѣимъ сторонамъ дороги, то мужскіе, то женскіе попеременно. Они естественной величины и высѣчены изъ желтоватаго известняка довольно грубо. Хотя въ нихъ отчасти замѣтно монгольское лицеобразованіе, однако жъ Г. Эйхвальдъ не думаетъ, чтобъ по одному этому можно было приписывать ихъ Монголамъ, когда впрочемъ нѣтъ на это ни какихъ историческихъ доказательствъ. Монголамъ, народу дикому и завоевательному, врядъ ли приходило въ голову заниматься скульптурой. Напротивъ, съ какой стати

отвергать извѣстіе Руйсбрука, или *Rubruquis'a*, который утвердительно говоритъ, что Команы обыкновенно ставили такіе памятники на курганахъ у могилъ своихъ пскоиниковъ. Советъ другое дѣло рѣшить и доказать исторически, принадлежать ли Команы, какъ вообще думаютъ, къ турецкому племени, или къ финскому, которое нѣкогда господствовало здѣсь съ такою силою. Последнее мнѣніе принято Г. Эйхвальдомъ въ полной силѣ, но мы не думаемъ, чтобы оно могло устоять противъ единогласнаго свидѣтельства арабскихъ писателей.

Наконецъ путешественникъ прибылъ въ Ново-Черкасскъ, который въ послѣдніе годы поднялся чрезвычайно. Теперь строятъ здѣсь только каменные зданія и пролагаютъ широкія, правильныя улицы. Городскія ворота образуютъ триумфальную арку, украшенную богиней побѣды и зологою надписью въ память незабвеннаго Императора Александра, который побѣдоносно ввелъ донскихъ Казаковъ въ стѣны Паряжа. Десятаго сентября Г. Эйхвальдъ воротился въ Казань.

Этотъ легкій очеркъ сочиненія обширнаго, исполненнаго почти на каждой страницѣ изысканій основательныхъ, со-вѣстливыхъ и всегда любопытныхъ, достаточно объясняетъ причину блестящаго успѣха, какимъ книга Г. Эйхвальда пользуется въ ученомъ свѣтѣ. Мы надѣемся, что трудъ нашъ также не будетъ бесполезнымъ: знакомя русскихъ читателей съ содержаніемъ превосходнаго творенія, онъ вѣроятно возбудитъ въ комъ-нибудь желаніе посвятить себя его переводу и доставить нашимъ соотечественникамъ, живущимъ въ Закавказьѣ или посещающимъ его области, не только собраніе прекрасныхъ наблюденій, но и руководство къ искусству наблюдать эти примѣчательныя поколѣнія людей, эту богатую и разнообразную природу.

=

ქართული
ბიბლიოთეკა